

18+

Борис Вельберг

ХАЛИФАТ

The background is a painting of a prison cell. On the left, a woman's face is partially visible, looking towards the right. The cell has a barred window with a grid pattern. A light fixture hangs from the ceiling. The title 'ХАЛИФАТ' is written in large, bold, red letters across the center of the painting.

Борис Вельберг

Халифат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69845959

ISBN 9785006071704

Аннотация

Вы стреляли по людям?.. Придётся научиться, если хотите выжить... Рядовой чувак силою случая оказывается в Сирии в роли шпиона-недоучки. Явки провалены... он потерял мобилу, деньги и документы... ему не перейти границу обратно. Смерть идёт за ним по пятам. А он совершает ошибку за ошибкой. Или он научится шпионить, или его убьют. Последний контакт – российская разведчица. Вроде бы помощь? Нет! Им слили дезу. Они попадают в ловушку. Любовь, когда каждый день может быть последним. Жили когда-нибудь так? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

НИЖНИЙ НОВГОРОД – КВАРТИРА НИКОЛАЯ	6
НИЖНИЙ НОВГОРОД – В АВТОМАСТЕРСКОЙ	14
НИЖНИЙ НОВГОРОД – СИЗО – ПЁТР	22
НИЖНИЙ НОВГОРОД – СИЗО – КАМЕРА НИКОЛАЯ	27
НИЖНИЙ НОВГОРОД – СИЗО – КОНТРАКТ ДОРОГА В ЛАГЕРЬ РАЗВЕДШКОЛЫ – ФУРГОН	33 41
ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ЛАГЕРЬ РАЗВЕДШКОЛЫ	43
ПОЛИГОН ОТРЯДОВ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ	47
РАЗВЕДШКОЛА – УРОКИ	50
ПОЛИГОН ОТРЯДОВ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ – ПОСЛЕДНИЙ РАЗ	58
ТУРЦИЯ – СТАМБУЛ – СЛЕЖКА	62
ТУРЦИЯ – СТАМБУЛ – БАЗАР	66
ТУРЦИЯ – СТАМБУЛ – КАФЕ	71
СИРИЯ – ИДЛИБ – НИКОЛАЙ ИДЁТ ЧЕРЕЗ ГОРОД	74
ИДЛИБ – ЮВЕЛИРНАЯ УЛИЦА	77
ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – КАМЕРА	80

НИКОЛАЯ	
ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – В КРЕСЛЕ ЗУБНОГО ВРАЧА	84
ИДЛИБ – СПАЛЬНЯ БОССА	92
ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – ЧИЦВАР	97
ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – ПРИЁМНАЯ	102
ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – КАЗНЬ	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Халифат

Борис Вельберг

Дизайнер обложки Борис Вельберг

© Борис Вельберг, 2023

© Борис Вельберг, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-7170-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НИЖНИЙ НОВГОРОД – КВАРТИРА НИКОЛАЯ

Не, ну какого васоби?!. в натуре спрашиваю – какого васоби?!. первое, что я слышу, когда просыпаюсь, – это истошный детский вопль... будто бы убивают, мля, мою девочку!.. вроде пока ещё жива, но медленно сдирают кожу!

Николай проснулся и резко сел на широкой супружеской кровати... рядом – пустое место... Марианна уже умотала куда-то... оно и есть пустое, – плоско съехидничал с утренней тоски... из-за закрытой двери опять пронзительным детским криком ударило... похоже, из Машиной спальни... отбросил прочь одеяло и выбежал в трусах на босу ногу.

Когда вбежал к Машеньке, увидел, что дочурка его в пижамке прячется за кроватью и испуганно орёт... а через комнату нацеленно к окну на цыпочках крадётся его мамочка в ночном халате... причёска «Девятый вал», сумасшедшие глаза... держит кухонный нож... прижимает другой рукой к груди большую деревянную куклу Щелкунчик... опасно щурится в окно, словно ожидает неведомую напасть оттуда.

Николай тоже машинально туда глянул... может, стёкла снаружи моют?... или какие другие проблемы... хотя пятый этаж без балкона... не всякий допрыгнет... на крыше дома напротив кошка в балетной позе писала на трубу... *стоило*

из-за этого на крышу лезть... толковое животное.

А крыша-то, несмотря на утро, уныло-серая, кое-где похеренная ржавчиной... и небо над ней безнадёжно серое... бронебойное... словно солнца нет и не будет... кончилось в данном квартале... и кошка совсем блёклая... бледно-рыжая, что ли?... выгоревшая от бездомной жизни... *пасмурно на улице, пасмурно на сердце.*

Он взял мамашу за руку... отобрал нож... поставил Щелкунчика на пол возле игрушечного трельяжа.

– *(Николай)*: иди, мамочка... иди, дорогая, отсюда... ты же её напугала!

Вывел маман в коридор... та оборачивалась и на окно указывала... мол, нелады там.

– *(Мать)*: забраться хотел... но меня увидел и побоялся... а первый-то ещё в моей комнате сидит... из-под кровати как повылезет... и ну балабосить... а я его палкой... палкой... чтоб не лез... боится теперь высовываться... скалозуб бездомный.

Взял маман под ручку и повёл на кухню... там Марианна утреннюю бурду готовила на плите... всегда нечёсаная... в ночной рубашке... кинула короткий взгляд на входящих... забурила ложками и зазвенела кастрюлями с новой силой... ни нам здрасьте, ни вам спасибо... *уже с утра на взводе... с готовым истерическим лицом... одевается, как кухарка, а разговаривает, как прокурор... когда-то была клёвая девочка с фантазиями и причудами... а теперь в злобу окуну-*

лась и ничего другого не знает.

Николай усадил мать за стол... она к нему повернулась, сощурилась по-шпионски и доверительно зашептала:

– я ему прямо в лицо заявила: *вы не мой доктор...* а он мне: *сейчас пойдём в лифт...* и повёз на тринадцатый этаж.

– (Николай): мам, у нас в доме семь этажей.

– (Мать): а он-то повёз на тринадцатый... в клинику... и все эти с деланными мордами в белых халатах там... будто не догадаюсь, кто они... подошли и говорят: *счас тебя в окно кинем!.. с кроватью!..* и начали открывать окно... а я им: *права не имеет!*

– (Николай): я позвоню в полицию, и они больше не придут.

– (Марианна, язвительно): другие придут.

– (Николай): помолчала бы...

Вышел из кухни... пошёл посмотреть, как там Маша... та в постельку забралась, закуталась в одеяло и тихо плакала.

– (Маша): чего она ходит сюда и ходит?.. скажи, чтоб не ходила!.. я дверь стулом задвинула... а она отодвигает.

– (Николай): да говорил уж... но видишь, твоя бабушка больна... я задвижку на дверь поставлю.

– (Маша): ты её вечно защищаешь!

Николай по головке дочку погладил... она отдёрнулась от него и одеяло на себя натянула... он грустно вздохнул... рассеянным глазом заметил на стене часы с Винни Пухом... стрелки уверенно показывали на предел допустимого.

– (Николай, себе): время идти... ититьское время... гонит кнутом по замкнутому кругу... погоняло... вот если б жить совсем без сроков... дней, часов... чтоб броситься рылом в траву... и не знать, не участвовать, не вовлекаться в их тупые бельмесы... чтоб не было понедельников... или там конца лета... чтобы совсем поломалась эта тикалка... а то вечно крутятся непонятные колёсики, всё отмеряют и не дают жить... тогда в отпуске в Сибири заснул в лодке на реке... и несло по-тихому весь день... в незнакомой деревне причалил... невольно подумалось – дай здесь буду жить... какая разница?.. а ведь не дадут... бумажки попросят... к властям потянут... привлекут.

– (Николай — Маше): помнишь, мы сказку сочиняли про Ниагарский водопад?.. сперва на самолётике будем летать вокруг, а потом спустимся ниже водопада, где всё бурлит... и увидим сплошную стену падающей воды... откуда-то с неба... такое видел Моисей, когда море расступилось перед ним... и тут мы выпорхнем из самолётика... и будем носиться лёгкими птичками.

– (Маша): никуда мы не полетим... мама сказала ни одному твоему слову не верить!.. иди отсюда!

Всхлипнула под одеялом и отвернулась лицом к стене... выбежал Николай из спальни... ворвался на кухню, совсем бешеный... кинулся к Марианне... прямо в физию гаркнул:

– прекрати говорить Маше гадости про меня!.. ещё раз ляпнешь такое – душу выбью!

– (Марианна, язвительно): пригласи сюда свою суку!.. я её с Машей познакомлю!.. пусть расскажет, сколько денег ты прячешь у неё между сиськами!

Кинулся на Марианну... дал ей пару тумаков... но тут сзади раздался истошный детский визг... испуганная Маша в пижамке стояла в дверях, прижимала к себе Щелкунчика и глядела на них широко открытыми глазами... рухнуло всё внутри у Николая... обессилел, отошёл к окну... бился башкой о раму, скабрёзную явь отвергая.

– (Марианна, сорвавшись на крик): я тебя в полицию сдам, дебил!! и посажу надолго!!

– (Николай): ну и останешься без денег!

– (Марианна): каких это денег?! жалкие гроши приносишь... давай поменяемся: я пойду работать, а ты сиди дома!.. у тебя же профессии нет... вечно что-то ищешь, и каждая новая работа хуже прежней!

Погас гнев у Николая... стоял беспомощно... *правду-матку ведь режет, сука...* замешкался... не знал, что ответить... рукой махнул... в окне на крыше напротив одна кошка лизала зад другой кошке... *так и надо для полной гармонии... потому кошки всерьёз и не вздорят... ну поцапаются быстренько и снова зад лижут... амур важнее.*

Его мать сидела в углу у стола... трясла головой и шептала сама себе... ложечкой беспрестанно помешивала чай и пристально следила за плавающими чайинками.

– (Николай, грустно, глядя в пол): да... приношу гроши...

(*Марианне, презрительно*): саяям би-би, моя любовь.

Зашёл в супружескую спальню... кое-как оделся... стоял посреди неприкаянно, словно лишний рот в семье... *уж было это, было... каждый день орём друг на друга... водят меня демоны на поводке... туда, сюда и обратно...* полное бессилие нашло... на работу не хотелось... стоять тупым пнём не хотелось... ничего не хотелось... опять засмотрелся в окно.

Там, на крыше дома напротив... птичка с красной грудкой села на конёк крыши слухового окна... и сидела себе ярким флюгером... кошка сперва игнорировала, а потом стала красться к ней... а птичка как бы не видит... зыркает в разные стороны и мечтает, галоша лирическая... кошка ближе и ближе ползёт тихой сапой.

Николай громко хлопнул ладонью по оконной раме... дёрнула птичка хвостиком... кошка стремглав бросилась по крыше к ней... но кровельное железо для когтей скользковато... неуклюжий бросок получился... у самого слухового окна на задние лапки вскочила, передними пытаюсь птичку поймать... не вышло... взлетела птаха лениво и даже небрежно – мол, ползают тут бескрылые всякие, посидеть спокойно не дадут... и понеслась привольно куда-то под низкими серыми тучами... переходящим вымпелом таким...

– (*Николай, себе*): *тут сядет... там сядет... чего её сюда занесло?.. еды на крыше нет... может, отдохнуть решила... небось, Лермонтова не читала... про тучки и штучки небес-*

ные... кои шляются без дела туда-сюда... кошкам на любой крыше – дом родной... а птичкам на каждом дереве... нет у них родины, нет им изгнания... чего ж они из невероятных далей обратно летят?.. помнят родину и как-то находят... а может, это совсем не те, а другие... кто отличит?

Николай отвернулся от окна... стоял потерянно... ну вот, хоть птичку спас... поступки совершаешь... жизнь не зря... обрывочные бродячие мысли в мозгах гуляли по-сиротски... вот сейчас потащится на работу, а потом с работы... Даниэла в пятницу... его шалопутная маруха... с её нудными рассказами...

– (Николай, себе): секс?.. да, с ней толковый секс... правда раз в неделю... ну ещё на работе иногда отсосёт... но до и после – хоть в шкаф запирай... дежурный трах и скучная ежедневная канитель – это называется твоей жизнью... а впереди одна пустота на тысячу лет... говорят, родишься заново в другом теле... хреновая перспектива!.. не хочу я опять в эту мурню... и тело моё меня вполне устраивает.

Огляделся... на стене напротив висели в рамках стрелковые грамоты и дипломы... на полке – кубки, фигурки стоящих и присевших стрелков с винтовками, тарелки с чеканкой на подставках... в центре – бронзовая олимпийская медаль в раме под стеклом, покрытым давней пылью... фантики и цацки... думал, это важно... возьму и выкину всё когда-нибудь... если будущего нет, то не хер за прошлое цеп-

латься... только хуже от памяти... Николай задумчиво потрогал фигурку стрелка... повернул её стволом прочь... *пусть в другую такую же стреляет...* пыль от неё осталась на пальцах... не чистил давно... пошёл на выход.

####

НИЖНИЙ НОВГОРОД – В АВТОМАСТЕРСКОЙ

Автомастерская, где работал Николай, повидала на своём веку немало... и пребывала в весьма потрёпанном виде после смены многочисленных владельцев... оборудование – мягко говоря, не первый сорт... да и зарплата на столь же приземлённом уровне... но сюда и тачки таскали старые, требовавшие регулярного ремонта... а посему занятость персонала была обеспечена... вот и сегодня с утра несколько новых машин прибыло... пахать и пахать.

Беспризорные клиенты шатались туда-сюда по приёмной... отбывали свои срока́ (кичманили, мотали катушку, тянули ляжку) ... а также сидели, стояли, глазели в окна на мусорные бачки во дворе... дурью маялись... девчонка с зелёным клоком в волосах сердито и наставительно давала прогон кому-то по мобиле... обозначая решительными жестами свою непреклонную волю и отдавая ультимативные распоряжения... качок свою импортную тачку приволок... с синей подсветкой на днище... сидел в углу ссутулившись... якобы уставившись в стену... а на самом деле – погруженный в нелёгкие думы о займе на дачу, злобучих бабах и ранге в стае... откусывал от толстого макдоналдса в бумажном пакете... паёк рэкетира... мать ребятёнка за руку тащила, а он

упирался... всё озирался на те самые синие огоньки под машиной – вдруг снова вспыхнут... мамки всегда детишек тащат, а те всегда упираются... потому что они не хотят туда, куда их тащат... *с раннего детства так... несёт тебя чужая воля.*

Бездомная кошка из-за угла степенно вырулила... встала перед входом в открытый ремонтный блок, обстановку изучая... морду отвернула, не желая всякую гадость нюхать... увидела лужу на асфальте с пятнами бензина... лизнула на всякий случай... *у них вся инфы в мозг через нюх и пасть поступает...* распознала неприятный запах... чихнула, техническую вонь отвергая... и выразила витиеватым движением морды кошачью эмоцию недовольства... походила возле, подумала... и снова принялась лизать ту же лужу с другого края... *они ничему не учатся... ни кошки, ни люди.*

Николаю вчерашнюю работу надо было доделать... лежал на поддоне под машиной в измазанном комбинезоне и разбирал задний мост... детальки на тряпке раскладывал... протирал, менял, обратно прикручивал.

В приоткрытую дверь змейкой скользнула Даниэла... обаятельная и кокетливая брюнетка с быстрым лёгким взглядом... в рабочем комбинезоне, который сидел на ней весьма плотненько и элегантно... смешливо и загадочно глянула на него, лежащего на полу и копающегося под машиной... ударила одним сапожком по другому, себя обозначая и желая отвлечь мужика от ремонтных рутин.

Он выглянул из-под машины... молчаливый приветик двумя пальцами послал... сделал лицо ушлого покупателя, который не торопится поддаваться соблазнам.

– (Николай): работаем мы тут... не то, что другие... особенно те, которые нас продинамили на той неделе.

Даниэла состроила мордочку избалованного котёнка... личиком играла, гнулась по-всякому... вправо, влево... грудку выпятила, себя показывая... то в профиль, то в полупрофиль... а посмотреть было на что.

– (Даниэла): вот ты не знаешь, а случился настоящий форс-мажор.

– (Николай): то есть не маленький, а большой форс?

– (Даниэла): может, эти «которые» взяли бы утешительный талон?

– (Николай): кто знает?... вдруг опять меня поставят одиноким столбиком.

Бросает на неё скептический, якобы равнодушный взгляд... давая понять, что у него есть варианты.

– (Даниэла): бедный мой грустный столбик... я тебя никогда не обижу!.. всегда стремглав лечу на стрелку.

Даниэла делает невинное личико... то опускает, то поднимает глазки... ну, прямо скромница такая... а то стрельнёт шалым взглядом... хитрой лиской... взбалмошной отличницей, которой втемяшилось в голову слегка похулиганить... но она всё равно умница, хорошая и лучше всех... *знает, как мужиков на поводу водить... ой, знает!*

Тут громкий голос из коридора обозначился... вроде зовёт кто-то со склада... Даниэла посылает быстрый воздушный поцелуй... шепчет: *бабасики*... и, шелубоня сапожками, исчезает.

А из-под соседней машины раздаётся кряхтенье... икота, отрывка и нечленораздельные хрипы... вылезает Костя, толстый, рослый мужик с широким лицом... в недостиранной рабочей майке и штанах с накладными карманами... накачался балдой с утра и спал там, никого не тревожа... Николай, когда пришёл, увидел раскиданные ноги, торчавшие в проход, и аккуратно перешагнул... *отдыхает чувак... зачем беспокоить?..* а тут разбудили разговором, вторглись в сумбурные сны, вытолкнули в суматошную жизнь... вынудили, заставили... *эх, люди!*

Костя садится на полу и раскачивается... весь в блаженной атоме... по его мутным расплывшимся глазкам легко понять, что он под воздействием и ещё не вполне прибыл из иных миров... сощуренно озирается и замечает Николая.

– (*Костя*): чё?.. батыр, шо ли, объявился?

– (*Николай*): в закутке... про деньги пишет... лучше не лезь к нему в таком виде... опять наорёт.

– (*Костя*): а чё ты мне приказываешь?! вот возьму и полезу... я ему, блин, всё скажу... и за прошлый раз тоже... за ногу, сука, тащил... а у меня мобила в кармане!.. исцарапал о ключи.

– (*Николай*): но тебя ж надо было куда-то деть... спрятать

от клиентов... а сам ты не шёл.

– (Костя): надо было... надо было... ничего не надо было... не трогайте вы меня... *злые вы... уйду я от вас.*

Костя медленно встаёт на четвереньки... пробует подняться в полный рост... после нескольких шатких попыток ему это удаётся... натужно прогибает спину и сладко зевает, разевая немалую пасть... потягивается во всю обойму... замахиваясь рукой вверх, словно лампочку достать хочет... длинный ломоть и крупный в плечах... прям с трудового плаката... таким цепи мирового капитала на куски рвать и Беломорканал строить в три смены... раскачивается на заплетающихся ногах... наливаясь утренним блаженством и негой... бредёт к выходу в коридор.

Николай только головой покачал... *там же клиенты...* вернулся к своим разводным ключам... продолжил колупать задний мост, который на этот раз оказался слишком задний... с полным присутствием смердежа и духана от загустевшей смазки и осевших отходов из выхлопа.

Несуразный топот возник в коридоре... шум... чьи-то громкие голоса... разговор с выкриками... там явно происходят какие-то нештатные события, сопровождаемые неуставными звуками... и наконец, раздаётся отчаянный крик Даниэлы... ещё раз... ещё... Николай вылезает из-под машины, сидит на полу и слушает... вбегает его краля, за ней медленно плетётся Костя.

– (Костя): не, ну волнительные формы ходють... и прямо

мимо маво носа... я же... коллекц... ци... нирую искусство.

Даниэла наугад кидается в разные стороны, но быстро не удрать... на полу навалено много деталей и ключей... она забирается в угол между инструментальными шкафчиками... Костя неторопливо преследует.

– (Костя): мне только бранзулетку посмотреть... ну дай ручку.

Костя делает заинтересованный вид... тянется за браслетом Даниэлы и пытается поймать её руку... она вырывается... он снова ловит... нет, не поймал... для него это игра... лыбится и доволен... но Даниэле не до шуток, она отчаянно кричит... а задолбанный Костя не рубит фишку, что его игра – уже совсем не игра... просто от нюхты превратился в упрямого болвана.

– (Николай): эй, пехота, отвали от неё на морскую сажень.

Костя медленно поворачивается к Николаю, который по-прежнему сидит на полу.

– (Костя): ты шо, мне?... да я таких мудососов в туалет спускал пачками.

– (Николай): стапэ свои приколы... и отвали!

Лицо Кости начинает меняться... одна игра окончена... теперь начинается другая... он становится угрюмым и медленно движется в сторону Николая... хватает с тележки полуюсь с набалдашником на конце, бросается вперёд и пытается шмякнуть ею противника... тот успевает откатиться в сторону, хватает с пола баллонный ключ и вскакивает... Костя

с широким замахом снова бьёт полуосью, целя в голову... Николай вовремя пригибается и вышибает ключом полуось из Костиных рук... та летит прочь, ударяется о стенку и падает за инструментальным стеллажом.

Костя замешкался ненадолго от боли... трёт руку, но тут же бросается вперёд и вцепляется в рубашку противника... Николай роняет ключ, обхватывает Костины руки по локтям и сжимает их, освобождаясь от хватки... Костя вытаскивает отвёртку из нагрудного кармана... бьёт с размаху в живот... Николай блокирует удар, перехватывает Костину руку с отвёрткой и выкручивает её в сторону... тот тянет обратно... плотно сцепляются... отвёртка зажата в четырёх руках у Костиной груди... падают и катятся по полу.

В падении отвёртка входит Косте в шею под нижнюю челюсть... оттуда начинает капать кровь.

Истерический вопль Даниэлы... она опрометью выбегает в коридор... её быстрые удаляющиеся шаги.

Николай сначала не понял, почему Костя вдруг обмяк и повалился на спину... но, когда привстал на колени, увидел отвёртку, застывшую под Костиным подбородком и капли крови на шее... ошарашенно уставился, с трудом воображая... ой как медленно... слишком медленно собираются эти кусочки воедино.

– (Николай): эй, парень, ты как?

А Костя смотрит куда-то мимо... закапало изо рта... всё сильнее... выбежала тоненькая струйка крови... ползёт

по подбородку... становится шире... пульсирует.

Николай машинально вытаскивает отвёртку из Костиной шеи... тут уже кровь пошла упругими толчками изо рта на грудь и вниз по майке... начинает растекаться по полу... и глаза... Костины остановившиеся, замершие глаза!.. тут дошло наконец... Николай безвольно запрокидывает голову... мозги уходят в туман... мышцы слабеют... он оползает и валится на пол рядом... орёт.

Шум и беготня в коридоре... распахивается дверь... босс примчался... клиенты стали заглядывать...

Николай медленно отползает в сторону от тела... оборачивается, видит Костю в луже крови и столбенеет... фокус поплыл... размылось всё... там уже не человек, а блёклое пятно... и кровь... везде кровь... на шее... одежде... полу... лицо Николая наполняется горем и страданием... не готов к такому... не ожидал... он сам сейчас убит... орёт, не слыша своего голоса.

####

НИЖНИЙ НОВГОРОД – СИЗО – ПЁТР

Тесная допросная камера в СИЗО¹... железный стол... два привинченных к полу железных стула... маленькое окошко в двери для наблюдения... Николай сидит за столом... сцепленные руки, упрямый взгляд... возмужал за эти несколько дней.

Охранник открывает дверь из коридора... входит Пётр... отработанное паспортное выражение лица... короткая стрижка, подтянутый спортивный вид... в дорогом двубортном костюме... дорогой портфель из умело состаренной кожи... смотрит просто и прямо... с самыми честными юридическими намерениями... когда-то имел некие высокие идеалы, да и теперь явно хочет уважать себя.

Николай щурится и оценивает Петра... он просил адвоката... но не знает никого в городе из этой профессии... ему выбрали... полиция или судья.

Он слегка поднимает руку, обозначая немое приветствие... Пётр отвечает дежурным благонамеренным кивком... за которым лишь на миг блеснули цепкие изучающие глаза... достаёт из портфеля папку с бумагами, ручку... вынимает высокопоставленный блокнот в кожаной обложке

¹ .СИЗО – следственный изолятор.

с золотым обрезом... садится напротив.

– (Пётр): Николай Дмитриевич Алхасов, если не ошибаюсь?

– (Николай): он самый.

– (Пётр): Фролов, Пётр Анатольевич.

Кладёт визитку перед Николаем... тот с кривой усмешкой её изучает... Пётр открывает блокнот... внутри календарь... внимательно пробегает по своим записям... а их много.

– (Николай, читает визитку): Новак, Фельдман и Гаспарян... а вы в заголовок не попали, потому что не такой ушлый, как Гаспарян?

– (Пётр): у вас нет денег на Гаспаряна... даже если продадите своё садоводство, которое купили в долг.

– (Николай): знаете больно много...

– (Пётр): читал ваше дело.

– (Николай): а со свидетелями калякали?

– (Пётр): нет у нас свидетелей.

– (Николай): а Даниэла?... она всё видела!

– (Пётр): телефон Даниэлы Завадской не отвечает... я съездил по указанному в деле адресу... она вчера оттуда съехала... в России находится нелегально... у неё грузинский паспорт без визы.

– (Николай): чего?... какой паспорт?

– (Пётр): ей нельзя иметь дело с полицией – сразу вышлют... текущие действия вашей подруги оставляют весьма слабую надежду, что она вдруг добровольно объявится в су-

де и выручит вас.

– (Николай): Мат-т-терь Владимирская, единственная... и всеблагие угодники!.. а где же правду искать?.. он схватил полуось, потом отвёртку и попёр на меня!

– (Пётр): ближайшую полуось полиция нашла придавленную колёсным ободом в пяти метрах от трупа... и вне пределов прямой видимости с места преступления... будет довольно трудно убедить суд, что она залетела туда по воздуху... кроме того, на полу нашли окровавленную отвёртку... а на ней – ваши отпечатки.

– (Николай): это ж его отвёртка... сам достал и в драке напоролся... я просто вытащил её из шеи... он же был накуранный в кизяк... видики наяву отсматривал.

– (Пётр): клиенты в коридоре этого не заметили... и анализ крови тоже не показал.

– (Николай): как он мог не показать?!. они там что – все поехали?!

– (Пётр): главная медсестра в лаборатории заразилась ковидом... карантин... неразбериха... словом, они кровь на анализ взяли через три дня... дата стоит в протоколе.

– (Николай): то есть я просто взял отвёртку и замазал мужика, так?

– (Пётр): это будет основная версия прокурора.

– (Николай): а смягчающие обстоятельства?

– (Пётр): есть отягчающие...

– (Николай): чего?!

– (Пётр): семь лет назад вы тяжело ранили человека из винтовки.

– (Николай): да он же вышел из леса прямо за мишенью!

– (Пётр): это дежурная версия для дураков... а на деле – он шёл дозволенным нормальным путём, а ваша пьяная компания повесила мишени в неположном месте и устроила состязание по стрельбе, стоя спиной и целясь в зеркальце... а спиной-то трудно заметить человека.

– (Николай): да как ты в лесу найдёшь, где положено, а где не положено?! но мы ж его в больницу отвезли!

– (Пётр): и наврали, что знать не знаете, кто стрелял... тогда дело замяли... вы должны были ехать на чемпионат Европы... а нынешний прокурор отыскал документ, согласно которому следы нарезов на пуле соответствуют вашей винтовке.

– (Николай): ёхала-мада!.. то есть я – полный рецидивист, а?!

– (Пётр): срок могут дать серьёзный.

– (Николай): чё делать будем, аблакат-аблакат?.. увези ты меня куда-нибудь за облака из этой хреновой порватои жизни.

– (Пётр): я привёз вам один документ.

Пётр достаёт из портфеля другую папку... вынимает из неё несколько листков бумаги... раскладывает перед Николаем.

– (Пётр): почитайте... подумайте... завтра я отвечу на во-

просы.

Николай оторопело рассматривает листы перед собой...
Пётр укладывает бумаги в портфель и направляется к двери... однако останавливается.

– (*Пётр*): как сказать по-арабски «до свиданья»?

– (*Николай*): маал салэма... а ты выучи ответ – фи амэн алле².

– (*Пётр*): я попрактикуюсь... всё на сегодня, – отворачивается и берётся за дверную ручку.

– (*Николай*): не, стой!.. ты куда?!

Но Пётр уже закрыл за собой дверь.

####

² Храни вас Аллах (*араб.*).

НИЖНИЙ НОВГОРОД – СИЗО – КАМЕРА НИКОЛАЯ

Николай лежит на верхней шконке у стены... за зарешённым окном тёмное закатное небо и редкие подсвеченные облака... видны верхние этажи домов и верхушки деревьев, качающихся на ветру.

– (Николай, себе): *хоть бы луну где повесили, чтоб намекала на другие пути... траектории... жизни... твоя тоже могла быть другой, а теперь она вся здесь... скукожилась до простейшего... твои школьные кореша хотели быть пожарниками, а стали ракетчиками... а ты думал, будешь – вольный ветер... а стал – никчёмная требуха?.. сколько раз тебя лупили... мужики... жизнь... ничему не научился... всё ещё не в ладах с реалом... хочешь всех перекричать своей правдой... ну-ну, работёнка на века... таких бьют всегда и будут бить всегда... пацаном во дворе выучил: чтобы не били, надо примкнуть, вступить в кодлу... тогда будут «свои» и «наши», которые защитят... но ты не любишь, когда тобой командуют... вот и нет у тебя своей кентовки... даже в стрелковой команде стал изгоем, когда ушёл с пьедестала... эти суки-организаторы сняли российский флаг, а глава делегации орал, что ты не имел права уходить без его разрешения!.. послал его тогда, умотал из отеля и на-*

качался в баре... дал по сусалам одному наглому кабану, который пальцами в морду лез... датские полицейские были ужасно вежливые... ну просто уссаться... под руки нежно вели к машине... в тюрьме кормили лучше, чем в отеле... и фирменную одёжку дали вдогон... когда тебя выгнали из команды, твои корефаны выпили с тобой на прощанье, однако звонить и в гости звать перестали... как они привыкли гнутья... и вдруг незаметно стукнуло тридцать... ни друзей, ни толковой бабы, ни профессии... все твои медали и вымпелы в прошлом... а без них ты остался просто пешкой... и ещё неожиданно круто влип... никто не поможет, и нет особого выбора... дальнейшая судьба уже решена... десять лет, а то и больше впаяют... а потом – катись пустой консервной банкой.

Маленькая лампочка ночного света над дверью... заглублена в стенку и зарешёчена... это теперь твоя луна... завывания ветра долетают снаружи и перемежаются с угрожающим и гневным храпом сокамерника, который лежит через проход... небось, кривой сон привиделся.

Стемнело за окном... и звёзды отчётливо встали пронзительными маяками в бездонной ночи.

– (Николай, себе): мы в огромной пустой бочке с гнилью и плесенью... а звёзды наверху – дырки куда-то... там, за нашими куцыми пределами, есть нечто другое... светлое... но мы не знаем хода туда... чуваки в моря уплывали... якобы землю искать... а я бы уплыл, чтоб исчезнуть... чтоб

провалилась пропадом вся эта грёбаная жестянка-жисть.

Сон свалился неведь откуда... незаметно и полновластно возник изнутри... захватил... подчинил... унёс в то окно, в которое Николай уставился... даже не заметил, как оно неожиданно расширилось... и он улетел сквозь него... храп сокамерника плавно перешёл в рёв толпы на огромном стадионе.

СНЫ

Он летит сам собой... сквозь воздух... спускается на трибуны в медленном пикирующем полёте... орудие лица движутся мимо всё быстрее... приближаются к нему, зубы скалят, руками машут... вот-вот достанут... *чего им надо?.. кого кольшет?.. маши́ в ответ!..* и Николай машет... почему-то очень важно махать друг другу... словно кричать: *я живу!.. я с вами!..* а начальство кучкой стоит посреди футбольного поля... пьедестал там и флаги... он приземлился далеко... трудно идёт к ним сквозь плотный тугой воздух, который бывает только во сне... еле ноги переставляя... по ступенькам на своё третье место поднимается... ему на шею медаль вешают... *ты помнишь эту медяшку на ленточке?.. ты помнишь, какая огромная радость полыхала внутри!.. яркое бурное море обрушилось внахлёт... безграничное счастье, как в детстве... когда весь мир сквозь душу летит, и тебе дарят будущее!.. а медалька – лишь токен на память, что счастье бывает...* и тут он увидел пустой шест!.. Рос-

сийский флаг сняли!.. и заорал!

.....

Грязный восточный базар, какие бывают только на Востоке, где грязь успешно соседствует с тонкими чувствами и изысканными ароматами... распахнутая лавка мясника с кровавыми кусками на продажу... снаружи у боковой стены врытый в землю стояк с жердями и крюками... на них висят разделанные туши коров, овец, баранов... кровь капает на землю, образуя кое-где сохлые лужицы... расплзается красно-коричневыми потёками... пятнами... звёздами... земля вокруг вся потемнела... петух с красным хохолком торжественно приближается к лужице... смотрит в неё, пробует кровь... поднимает клюв, озирает окрестности быстрым взглядом, власть знаменуя... ещё пробует... видит своё отражение в лужице и гневно клюёт... да, бывает и так... иногда очень хочется себя клюнуть... потому что замёл грешную память под ковёр и забыть пытаешься.

.....

Тесная тёмная комната с оконцем у самого потолка... Николай сидит на стуле посредине... Человек в длинной белой рубашке и чёрной шапочке ходит по комнате и кричит на него... тычет пальцем и гневно жестикулирует... лицо отвёрнуто, неясно, кто это... Николай понуро кивает – конечно, виноват... Человек подходит и поднимает голову Нико-

лая за подбородок... орёт прямо в лицо, брызгая слюной... правду-матку орёт... ибо настоящую правду никто спокойно не выскажет и не схавает... она сожжёт любого... а потому её надо выплюнуть и выкрикнуть в надрыве... но и тогда лишь немногие срубят и примут до конца... лицо Человека совсем близко... это крутой душман с выбитым нижним зубом... там, где раньше был золотой... в руке держит шприц... делает себе и Николаю уколы... сразу озноб... иголки разбегаются по коже... и волосы на теле шевелятся и встают.

А дальше – идут вдвоём по пустой извилистой дороге в развалинах, заросших травой и лишайником... опоясанных мхами... здесь давно убивали... уж забыли как и кого... а теперь души убиенных пробились обратно на Божий свет этими дикими зарослями.

.....

Николай резко просыпается и открывает глаза... шконка... камера... по-прежнему храпит сосед... в окне далеко за горизонтом начинается рассвет... ночь должна быть короткой, чтобы меньше кошмаров и зла.

– (Николай, себе): *опять в ту же судьбу... ещё один пустой день... будут крутить тобой, водить куда-то, приказывать, давать еду... каждый шаг по команде... день, когда от тебя ничего не зависит... много таких дней... глядишь, и жизнь кончится... и выходов нет, кроме херовых... по контракту, который принёс этот адвокатик, – будешь пол-*

ным рабом... в тюрьме хоть амнистия иногда бывает...
а подпишешь – и обречён до конца!.. как хочется удрать
от всех!.. забраться в таёжную глушь, где никого... чтоб
душу от них зачистить.

####

НИЖНИЙ НОВГОРОД – СИЗО – КОНТРАКТ

Высокая моральная драма... за железным столом сидит Пётр... перед ним разбросаны листки контракта... на полу тоже... Николай вскочил со стула... ходит по камере... он во гневе:

– я не крыса!!.. никогда не был стукачом!.. органически не могу подслушивать... подсматривать... доносить!.. не могу крутить ваши тёмные делишки!

Он ужасно разозлён... мог бы вскочить на стол... охранник по ту сторону дверей начал заглядывать в зарешёченное дверное оконце... *кто их знает?.. могут и подраться...* Петру ранее показали кнопку под столом для аварийного вызова, если что... но его мало заботят взрывные порывы Николая... он нашёл в портфеле интересный документ и внимательно читает... изредка понимающе кивая головой... скорее одобряя написанное, нежели реагируя на резкие выкрики клиента... тычет пальцем в документ.

– (*Пётр*): больше десяти лет спортсмен-стрелок... а потом вами полиция заинтересовалась... почему?.. есть какая-то связь?

Николай ещё возбуждён, однако вопрос сбивает его с толку... он пытается прорваться сквозь свой праведный гнев

к этой истории про полицию... припоминает детали.

– (Николай): да, школьные корефаны с нашего двора!.. они потом в бригаду ушли... меня звали... обещали не просто хорошие бабки... а очень хорошие.

– (Пётр): ну и?

– (Николай): отказался.

– (Пётр): были на то причины?

– (Николай): я не могу по людям!.. не могу, и всё!

– (Пётр): а пробовали?.. кроме того случая, когда случайно ранили человека?

Николай делает паузу... трёт пальцами лоб... тяжело вздыхает... давешний гнев частично заземлён... память уходит в другое русло... скрытно косится на Петра... ухмыляется.

– (Николай): у нас в клубе уборщик со своей тачкой однажды у мишеней выполз в неположенное время... я уже патрон дослал... ещё б секунда... тут он посмотрел на меня, прямо в прицел... увидел его глаза в объективе... живые глаза... бросил винтовку к чёртовой матери и ушёл... руки два дня тряслись... тренер потом ругался – оружие на мате оставил... по фанере могу, а по живью – нет!.. и если у вас там есть замыслы на этот счёт, то забудьте.

– (Пётр): три года слежки за вами... почему?

– (Николай): ну, потом качки лезли и лезли... на поляны таскали... на пикники, где абсолютно всё что хочешь... певиц туда эстрадных... бери – не хочу... чистильщик приез-

жал от семьи, беседы вёл... мол, успевай на поезд... новая тачка под окном завтра будет... я им отказал... они потом ещё пару раз звонили...

– (Пётр): принципы?... или другое?

– (Николай): нету у меня никаких принципов... просто физически не могу по живым... аллергия... фокус пропадает и рябь в окуляре плывёт.

– (Пётр): а если в вас стрелять будут?

– (Николай): стреляли... пьяная сволочь... удрал, как заяц... а вы слишком много знаете для простого адвоката... и контрактик принесли непростой... на кого пашете?... ФСБ?... разведка?

– (Пётр): ни Эф, ни Эс и ни Бэ... а также ни Гэ и ни РУ.

Николай небрежно берёт контракт... ищет и читает:

– тут в конце написано: «Институт проектирования объектов международной инфраструктуры»... я серьёзно сомневаюсь, чтобы такая возвышенная организация нанимала убийц.

– (Пётр): это всё никчёмная лирика... на самом деле остался только один вопрос: *вы хотите в тюрьму или подпишете контракт?*

– (Николай): вы про доктора Фауста читали?

Пётр устало кивает... менее всего ему хочется заниматься риторикой... но помнит хорошее правило, которому учили инструкторы: человеку надо дать высказаться... пусть сам себя переломит и убедит... а если не убедит, то хотя бы по-

кажет, как это можно сделать.

– (Николай): отпадная книжоночка, правда?

– (Пётр): у вас, наверно, есть мораль на эту тему... давайте.

Николай перебирает странички контракта:

– тут надо душу продать с потрохами!.. именно так и написано... (ищет) ...во! – с притворным восторгом поднимает вверх палец, – *безоговорочно выполнять все приказы и поручения...* без конкретики... чё делать-то буду, пахан?.. новые парашюты или бронежилеты испытывать?!.. сексотом у дверей подслушивать?.. или мочить кого топором?.. абсолютно всё, что угодно!.. вот это договорчик!

– (Пётр): да... выполнять все приказы... как на любой работе, в армии и тюрьме.

– (Николай): они завтра детский садик отравить прикажут!

– (Пётр): это не ваш профиль... вы родились в Баку, ходили в английскую школу... вашими дворовыми друзьями были арабы и курды... знаете азербайджанский, арабский и турецкий... наверно, не совсем забыли?

– (Николай): да подзабыл уж в Нижнем-то... здесь совсем другой контингент пасётся... а чё вам надо в Азербайджане?.. шпионить?

– (Пётр): нет, курьером... спецзадания, краткие поездки.

– (Николай): курьером... а в багажнике что?.. наркота, оружие?.. лучше уж сидеть в России, чем в Азере... это я

точно знаю!

– (Пётр): речь идёт не об Азербайджане, а о Ближнем Востоке... вы будете доставлять конверты с невинными документами и оказывать посильную помощь.

– (Николай): помощь!.. а если она пойдёт вразрез с моими религиозными верованиями?.. смогу я отказаться?

– (Пётр): вы верующий?

– (Николай): в церкви был раза три... один раз с экскурсией... а в мечети... то есть в медресе – даже больше... не помню сколько... мать таскала.

– (Пётр): то есть вы скорее мусульманин, нежели христианин?

– (Николай, смеётся): если б я знал!

– (Пётр): а способны вы вести себя в мечети так, чтобы вас не выгнали?

– (Николай): не, ну правила-то я помню... а зачем курьеру заходить в мечеть?.. у них для неверных есть служебное помещение.

– (Пётр): какие ещё вопросы?

– (Николай): не знаю даже, чего спрашивать... если подпишу, то буду полный раб.

– (Пётр): а в тюрьме кем вы будете?.. козлом?.. шнырём?.. если уж служить, то хотя бы тем, кто пишет законы.

– (Николай): да летели эти писуны в Китай с пером в зад... их херовые законы нарушают все кому не лень!.. нет у нас законов!.. совсем нет!.. что хотят, то и делают!

Пётр встаёт, собирает листочки контракта, лежащие на столе... аккуратно засовывает папку в портфель... не медленно и не спешно... Николай смотрит на него голодными глазами... Пётр нарочито уходит от этого нацеленного взора... вынимает мобильник... просматривает тексты... устало вздыхает.

– (*Пётр*): как будет по-арабски «прощайте»?

Николай трясёт головой, отвергая... в пол уставился... папу держит... не думает, а, скорее, в расстроенных чувствах витает... отмахивается от разбросанных мыслей... останавливает себя... скребёт лоб... и мямлит тихо:

– не, ну дайте хоть подумать чуток.

Пётр медленно поворачивается к нему... холодный оценивающий взгляд:

– у вас были сутки... но оказывается, вы всерьёз не думали.

– (*Николай*): да всё время думал... и сейчас думаю!.. тут же надо... Бог знает на что согласиться...

– (*Пётр*): тогда почему вы задаёте детские вопросы?.. думать – означает предвидеть мои ответы... и ваши дополнительные вопросы, и мои новые ответы... на несколько ходов вперёд... если вы не умеете так думать, то не справитесь с работой, которую я вам предлагаю.

– (*Николай*): это шофёром-то?.. ничего себе шофёрчик получается!

– (*Пётр*): шофёра я могу нанять за пять минут... на лю-

бой стоянке такси... и когда расскажу условия, он ещё свою лайбу бросит.

– (Николай): ну вот!.. и думать я не умею... и другого за пять минут найдёте... а чё вы тогда ко мне пристали?

– (Пётр): Господи!.. а я думал ему помочь!.. решительно надоели ваши экивоки и печки-лавочки!

Пётр берёт портфель и направляется к выходу.

– (Николай): давай!

Пётр уже взялся за дверную ручку:

– увидимся в суде.

– (Николай, кричит): я говорю: документ давай!

С тяжёлым вздохом Пётр останавливается в дверях... медленно возвращается... садится за стол... с нарочитой скукой расстёгивает портфель... аккуратно вынимает папку с контрактом... переворачивает страницы... находит нужную... и показывает место для подписи Николаю... тот снова читает:

– тут срок – десять лет.

– (Пётр): за убийство вам дадут не меньше.

Николай подписывает и швыряет бумагу прочь... он смятён... не ожидал от себя... не знает толком, во что вляпался... сейчас происходит какой-то поворот судьбы... тревожный поворот... неизвестно куда и с кем!.. без каких-либо объяснений... казусов и прецедентов... переплётов и наворотов – всё не в счёт... прыжок без парашюта вниз головой – в тёмные шансы и мансы... хозяева даже не спросили про

его желания... станут крутить судьбой, чертить траекторию, выбирать планиду... раб!

– (*Пётр*): никому ни слова... ни друзьям, ни семье... будет суд и приговор... надо правдоподобно отыграть весь спектакль... все должны думать, что вы сидите в тюрьме.

– (*Николай*): а я где буду?

– (*Пётр*): не в тюрьме... но если проболтаетесь... или любым другим способом нарушите контракт, вас туда быстро доставят.

– (*Николай*): так точно, шеф.

####

ДОРОГА В ЛАГЕРЬ РАЗВЕДШКОЛЫ – ФУРГОН

Фургон с надписью «Хлеб» заезжает в выходной шлюз СИЗО между сплошными железными воротами и останавливается над траншеей... шофёр выходит из кабины, кивает охранникам... они кивают в ответ... не первый раз ездит, знает правила... и охранники его знают... он отпирает боковые двери фургона и идёт с бумагами на проходную поста... в траншее под фургоном вспыхивает свет... камера на рельсе начинает двигаться под машиной... из хвоста в нос... из носа в хвост.

Охранники открывают боковые двери фургона и светят фонариками внутрь... многие хлебные лотки уже пустые, в других – ряды буханок... обширные просветы... весь фургон виден насквозь... никого и ничего запрещённого... у передней стенки под потолком гудит вентиляционный блок... охранники закрывают дверцы и осматривают кабину водителя... тоже всё в порядке... поднимают и закрывают капот... дают отмашку в сторону поста... водитель выходит... садится в машину... перед ним медленно открываются тюремные ворота.

Фургон едет по шоссе. едет по шоссе. едет по шоссе. всё ещё едет по шоссе. долго едет...

строго по правилам... наконец сворачивает на просёлочную дорогу... через километр встаёт у ржавого шлагбаума... рядом в землю вколочен потёртый жизнью столб с поблёкшей вывеской: «Всеармейское военно-охотничье общество. Охотничье хозяйство №87»... вот так-то!.. и никакого тебе забора.

Шофёр отпирает ржавый замок на шлагбауме... оглядывается... никого... это хорошо, что никого... идёт к фургону, вытаскивает несколько пустых хлебных лотков с нижних полок и отмыкает специальным ключом металлическую секцию пола... из узкого отсека под полом неуклюже вылезает Николай.

– (*Шофёр*): Эй, пассажир, поддержи шлагбаум... а то он сам собой закрывается... ишо в прошлом году бумагу писал, шоб пару кирпичей подвесили... и хде они?

#####

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ЛАГЕРЬ РАЗВЕДШКОЛЫ

Хлебный фургон подъезжает к неказистому домику, где находится контора охотничьего хозяйства... оттуда выходит Геннадий... рослый, крепкий мужик в штатском, явно с военной выправкой... за ним бежит второй, ростом пониже... тоже в штатском... идут к фургону... Николай выбирается из машины, осматривается.

– (Геннадий): Николай Алхасов?

– (Николай): прибыл для дальнейшего прохождения...

– (Геннадий): я Геннадий Бирюков, ваш инструктор... документы на вас уже здесь... там надо уточнить кое-какие детали, но сначала в баню... на всякий случай... защищаемся от непрошенных попутчиков... потом Сева, – кивает на второго мужика, – отведёт вас в вашу комнату... покажет столовую... обед через два часа... в шесть – ориентация... за вами придут... начало занятий – завтра... а сегодня... у нас хороший спортзал и бассейн... приведите себя в форму... после долгого перерыва будет трудно.

Сева вытянулся по-военному, давая знать, что всегда готов и на всё готов... Николай кивнул ему... пожал Геннадию руку... тот ответил надёжным мужским пожатием.

– (Николай): слушай, у ты посмолить есть?.. замучили за-

претами.

Геннадий пробует сделать сугубое выражение лица... но меняет настрой, расслабленно машет рукой и понимающе хмыкает... достаёт пачку сигарет из кармана... вытряхивает наружу концы.

– (Геннадий): тут тоже полно запретных мест... амунициии-то навалом... Сева вам покажет, где можно.

– (Николай): слышь, давай на «ты»... а то я подумать могу, что меня тут двое... а по балде – так и четверо... начну разговаривать сам с собой...

– (Геннадий): давай... обычно тут на «ты» переходят после марш-броска через болото... а после занятий со змеями – и на обоюдный мат.

– (Николай): это с летучими?.. с драконами, что ли?

– (Геннадий): с ползучими... проверить, кто из вас быстрее.

– (Николай): о, мля!.. а можно я обратно поеду?.. фургон-то вот он... пока не ушёл.

– (Геннадий): ещё не раз захочешь... я тоже, когда сюда попал, сразу стал на самоволку харчи копить.

.....

УРОК РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ

Николай сидит перед большим плоским экраном... учитель даёт ему фотографию субъекта наблюдения и запускает видеодиск.

На экране – плотная толпа людей, идущих по оживлённой улице... Николай пытается найти в ней человека, изображённого на фотке... в его руке – компьютерная мышь... несколько раз он указывает учителю большим красным курсором на разных людей на экране... учитель отрицательно качает головой... наконец находит искомого человека в толпе... учитель удовлетворённо поднимает вверх большой палец... радостный ученик показывает усы на фотке... у человека на экране их нет.

УРОК ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Николай в наушниках сидит в кресле и громко произносит арабские фразы, пробегающие перед ним на большом компьютерном экране.

Учитель отмечает курсором ударения... повторяет некоторые фразы, исправляя особенности произношения.

УРОК ГЕОГРАФИИ

В классной комнате два больших компьютерных экрана... на одном – карта Идлиба в Сирии... на втором – фотография центральной площади Идлиба с квадратной ротондой и часами на ней.

Николай сидит за столом и водит по электронной карте курсором... строгий учитель географии в очках задаёт вопросы... по выправке – бывший военный... и отнюдь не бывший педант... до фига народу из армии набрали в эту школу.

– (*Учитель географии*): церковь Святой Марии?

Николай показывает курсором путь на карте:

– сразу направо... вот тут... недалеко.

– (*Учитель географии*): овощной рынок?

Николай снова показывает:

– прямо до конца площади... потом налево... и в третью улицу направо.

– (*Учитель географии*): Ювелирная улица?

– (*Николай, показывает*): прямо вперёд... чуть налево...

и снова прямо.

– (*Учитель географии*): Губернаторский офис?

– (*Николай, показывает*): направо... далеко идти... мимо церкви... разрушенного банка... на улице Аль-Кусур.

Учитель географии удовлетворённо кивает головой:

– теперь Багдад.

Карта и фотография меняются на экранах.

– (*Учитель географии*): Аль-Азамия?

Николай показывает курсором на карте район Багдада.

####

ПОЛИГОН ОТРЯДОВ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Макет длинного трёхэтажного дома... нарисованные стрелки на полу указывают направление движения... Николай с лазерным пистолетом бежит по коридору... стреляет направо и налево по трёхмерным манекенам, выскакивающим из разных дверей и углов... на нём особый костюм, регистрирующий попадания лазерных лучей «противников» и выдающий информацию на лэптоп инструктора.

Николай вбегает в комнату, заставленную разномастной мебелью... за столом сидят несколько женщин-манекенов... одна из них улыбается, встаёт и протягивает к нему руки... он отвлекается.

В это время в противоположном углу, у стены, подымается крышка сундука... оттуда привстаёт мужик-манекен и стреляет в него из пистолета... на лице Николая выражение досады.

Выбегает из комнаты, устремляется дальше по коридору... из дверей выбегает ребёнок-манекен... его преследует грозный мужик-манекен... Николай стреляет в мужика... тот застывает, раскинув руки в стороны... он не вооружён... ребёнок-манекен кидает муляж гранаты под ноги Николаю... тот гневно выпускает несколько лазерных «пуль»

в «невинное» дитя... разочарованно всплёскивает руками и выходит из макета дома.

Тяжело дышит... идёт по лужайке, опустив лазерный пистолет... явно недоволен собой.

Геннадий, инструктор, сидит под деревом за столом на скамейке... что-то изучает на экране ноутбука... Николай садится рядом... Геннадий умеет быть очень эмоциональным с друзьями и очень жёстким на службе... сейчас у него период бури и натиска.

– (*Геннадий, сухо*): упал и отжался на два с бубликом.

Николай делает двадцать отжиманий на земле... между делом спрашивает Геннадия:

– чё, так плохо?

– (*Геннадий*): сказки Венского леса... в пересчёте на патроны ты с утра второй цинк извёл... все стенки продырявил... четыре жизни потерял!.. штук десять ран получил... из многих сочит кровь!.. в программе счётчики уход крови считают... дадут знать, когда ещё одну жизнь потеряешь... гоблинов всего лишь шесть замочил... зато успешно ликвидировал восемь заложников.

– (*Николай*): а нефиг им было высовываться!

– (*Геннадий*): это ты потом в трибунале расскажешь... а из винтовки – ну просто ас... и по быстро движущейся... и по внезапной... но помни – жизнь придётся спасти в ближнем бою, а тут у тебя полная лажа.

– (*Николай*): ну давай я ещё разок?

– (*Геннадий, орёт*): не разок, а сто раз!.. чтоб хоть в Хамас взяли!

Николай встаёт с земли с опущенными глазами... пытается скрыть, что зол на себя... Геннадий понимает его настроение и меняет тон на более дружелюбный:

– бей в морду лица, а не в тулово... на них броники могут быть... и расслабляйся между выстрелами... Мухаммеда Али видел?.. умел работать по пулемётному!.. вмажет пять раз за секунду и в расслабухе танцует... учишься!... «Макара» держи мягко, как сисю... и палец ослабь на курке... мишень показала – сразу собрался, плотно взял ствол и чётко вмазал... и опять в расслабухе танцуй... уйди в низкую стойку... к полу гнись... думаешь, духи позволяют тебе жердью торчать?.. завтра будешь левой рукой стрелять!.. весь день.

– (*Николай*): зачем левой-то?.. в жизни не стрелял.

– (*Геннадий*): а если правую откусят?

####

РАЗВЕДШКОЛА – УРОКИ

МАСТЕРСКАЯ ЗАМКОВ

В просторной подвальной мастерской огромная коллекция замков всех фасонов... чертежи на стенах... разобранные экземпляры... коллекции ключей и отмычек... некоторые замки вделаны в двери, которые собраны в вертикальные многорядные секции на колёсиках... чтобы легко катать туда-сюда, если надо.

Инструкторша, ладненькая, укроненькая старушечка дворянских кровей с добрым доверчивым лицом... типа бабушки Красной Шапочки... если вы не знаете, кто она на самом деле, то с лёгким сердцем оставите чемодан в аэропорту на её попечение... но если присмотреться... уж больно пристальный у неё взгляд с отнюдь не старческой пронзительностью... прямо как шило... ей уже за шестьдесят, однако глаза совсем особенные... дай вам Бог иметь такие ясные и чуткие глаза в двадцать пять... там столько жизни... до ста лет хватит.

– *(Инструкторша)*: зовите меня тётя Полли.

– *(Николай)*: вы из «Тома Сойера», штолли?

– *(Инструкторша)*: внучатая тётка племянницы моей пра... пра... пра... забыла, сколько пра... прабабушки по отцовской линии.

– *(Николай)*: а-а-а!... вы Полина.

– (*Инструкторша*): а может, и Авдотья Поликарповна... помнится, один профессор учил, что на вопрос «может ли быть?..» ...всегда нужно отвечать: «может!» ...всё на свете может быть, мой юный друг.

Тётя Полли раскладывает чертежи на столе... разобранные замки... учит открывать разные модели отвёрточкой... гвоздём... пилкой для ногтей... обломком ветки... тренирует ученика день за днём... сперва водит его руками... постепенно даёт свободу... предлагает попробовать открыть одну дверь... другую... а теперь из любой секции на выбор... когда ему удаётся открыть дверь, тётя Полли аплодирует и подносит шоколадку на блюдце... когда ему трудно... танцует вокруг и дразнится, строит рожи.

Но тут попалась одна дверь, которую прямо никак... Николай стоит сначала на одном колене... потом на двух... безуспешно вертит маленькой отвёрткой в замке... совсем не получается... уже долго... старушечка заглядывает сзади лукаво... тихонько на цыпочках подходит... аккуратно берёт отвёртку из его рук... и как-то слишком легко (чик-чирик) открывает замок.

– (*Инструкторша, нежным голоском*): глаза совсем закрой... они отвлекают... отвёрточкой бережно щупай эту таинственную пещеру... словно пальчиком водишь... помни все выступы и колёсики... куда они поворачиваются... где есть ход... картинку в голове рисуй... и ушечком тоненько слушай, когда кликнет.

Николай улыбается... закрывает замок... пробует открыть... опять не получается... снова и снова... тётя Полли гневно топает... сейчас она рассерженный генерал... приказывает... сердится... *руки-крюки!*.. но, похоже, ученик нащупал что-то... замок щёлкает и открывается... у инструкторши на лице – полнейший восторг... она аплодирует.

УРОК ЗАКЛИНАНИЯ ЗМЕЙ

Ясный солнечный день... такой ясный и такой солнечный, что хочется отбросить все дела и удариться в дурь и блажь... а тут ещё теннисный мячик беззаботно лежит в высокой траве... новый и вопиюще яркий... ехидно-зелёного цвета... вот бы его на корт!.. что?.. корт занят... ну тогда просто зашвырнуть куда-нибудь... чтоб собака бежала за ним по траве... прыгала... крутилась... и радостно принесла в зубах обратно... или, может, просто попасоваться нам, мужикам... вспомнить третий класс... но сбоку что-то виднеется в траве... и не только виднеется, но, похоже, и движется... ползает себе тихонько и неприметно... а если приглядеться, то ползают в нескольких местах... во множественном числе... да это ж змеи!.. гадские полированные рожи со скрытыми ядовитыми зубами, которые запросто могут вылететь вперёд в разинутой пасти и мгновенно цапнуть зазевавшегося Луку... Божьи твари (то бишь создания) с пронзительными гипнотическими щёлками вместо глаз... где голодный зрачок в глубине гуляет... чтоб морозить и обволакивать...

чтоб ты стал как зомби, пока она, сука, подползёт и укусит... с язычком тонким и липким... чтобы медленно яд пускать, а потом высасывать кровь.

На хер они тут?!.. чего им надо?!.. наверно, им еду тут специально рассыпали, а то расползлись бы кто куда... тебе уже сказали, что они ядовитые и очень быстрые, а потому держи ухо востро... они и не думают прятаться... к тому же их почти не видно в траве... так устроен мир – вроде бы радостная зелёная трава, а в ней, для контраста, скрытно и смертоносно ползают змеи... не верь благостной гармонии... никогда не верь... жди подвоха везде – это самое главное, чему ты научился в разведшколе.

Геннадий его сюда привёл, дал тонкий прутик — единственное оружие... никакие другие ветки нельзя ломать и кроссовки снять... *босиком шльндай*... дал задание: теннисный мячик ему принести... и ушёл... Николай прутик покрутил... тонковат и коротковат... присел на корточках, заинтересованно изучал змеюк... сплочённая компаща... ползают друг по другу... перевиваются... им не запахло по чужой коже тереться... да и человекам это нравится... может, сложный секс у них тут?.. эдакая замедленная групповуха... вот только баб от мужиков не отличить... они-то, конечно, отличают... заметили его... уставились тупыми, однородными рожами... *если у вас секс, зачем пялиться по сторонам?*.. не моргнут даже... иногда недолго, как бы походя, а иногда тарашатся с бронебойной настойчивостью... *чего шуришь-*

ся, косорылая чувырла?.. ползи себе... ищи партнёра... дашь ему, и сразу полегчает... а можса угрозу чуешь?.. или на-пасть хочешь?.. ты же знаешь, что я не твоя еда... так, хулий надо?!. раз обошёл их, два... шипят, морды поднимают и зубы скалят... ни хера не боятся они тебя... надо сделать, чтоб боялись.

Мелкий камешек в траве нашёл... кинул в ближайшую... та отклонилась прочь и сразу обратно... камешек понюхала... вроде заметила Николая... не испугалась... стала оползать, вроде бы заходить с тыла... он тоже её обходить стал... и других... подходы искал... да и ждал – может, расползутся... и не думают – им хорошо в тенёчке... ветерок свежий обдувает... век тут гужеваться будут... ну и как же достать теннисный мяч?

Присел... начал своим прутиком перед одной змеюкой шебаршить траву... та сперва пасть разинула... потом свернулась в кольцо, стерва... поближе к морде стал прутиком по траве стегать... и тут она, бя, прыгнула... вдруг!.. на целый метр в его сторону... он ожидал чего угодно, но не этого... резко назад на спину упал... рубанул наугад тонким прутиком змеюку, которая летела кусануть с разинутой пастью... и в сторону от неё откатился... выпал прутик из пальцев где-то... а прыгучая бядь в траву свалилась... тут же морду подняла... зашипела, пасть разинула во всю ширинку... крючковатые острые зубы показала... опять свернулась... для новой атаки, небось... остальные вокруг нервно

заползали... отошёл было, круга дал... вернулся и прутик из травы выхватил... а та, первая, снова напыжилась... привстала мордой и к Николаю поползла... туловом мускулисто крутит... снова прыгать собирается... рассвирепел он от такого нахальства... *ах ты, глиста безногая!.. меня, царя зверей, пугать собралась?!*

Почувствовал в себе что-то звериное... возможно, и от змеюк передалось... разинул пасть до упора, свои оскаленные зубы показывая... заорал, словно раненый медведь, на всю ползучую кодлу... ногами затопал изо всей силы... змеюки в стороны от него подались... и тут хватанул Николай прутиком по траве широким замахом, прыгнул вперёд, снова хлестанул... ещё и ещё!.. направо и налево... задвигались змеи, зашелестели... поняли, что наступить может этот битюг прохожий... а он по мячу ногой походя вдарил... отбил в сторону... хлестался своим прутом вокруг, ополоумев... прыганул пару раз туда-сюда... для военной уловки... позади себя хлестал, отступая... обернулся и увидел несколько поднятых змеиных голов... озирались и угрозу искали... *во, суки неужёмные!*

Подошёл к мячу, поднял... Геннадий приказал мяч обратно принести... вот он мяч... решил задачку... всё же полчаса провозился... странный тренинг... на хер нужен... оглянулся... никого из инструкторов не видно... засунул мяч в карман и пошёл обратно в офис... не заметил, конечно, крошечные маскировочного цвета камеры, пристёгнутые там и сям

к веткам за листьями.

Позже ехидно спросит Геннадия:

– (Николай): как ты думаешь, чему я научился сегодня?

– (Геннадий): это для нас... чтоб тебя правильно распределить... по характеру.

– (Николай): ну и кем же я оказался?

– (Геннадий): есть две категории; с мячиком и без мячика...

– (Николай): а покусанные бывали?

– (Геннадий): да сколько угодно... у нас там недалеко вагончик замаскированный... с медиками на дежурстве... у змеюк реакция всяко лучше, чем у любого из вас... они даже бельчат ловят... на арапа тут не пройдёт, надо найти подход.

– (Николай): я-то как раз на арапа взял.

– (Геннадий): а вот и нет... ты не знал, что делать... и кинул в них сразу всё – и по траве прутом зашуршал, и морду скривил, и заорал, и ногами затопал... а сработало лишь одно – ногами затопал... когда швыряешь в противника сразу всё – это тоже приём... и очень эффективный, между прочим... сбивает с толку.

– (Николай): то есть я – герой!

Геннадий тяжело вздохнул, серьёзно и грустно посмотрел на него.

– (Геннадий): на всякого героя довольно простоты... внедрения твои будут такими, куда других просто опасно посы-

лать.

– (*Николай*): выходит, вляпался я из-за этих змеюк...

– (*Геннадий*): не только из-за них... за тобой длинный хвост тянется... и уход с пьедестала... и как чистильщика из семьи отфутболил... и Костя... который был в три раза сильнее... сегодняшние змеюки просто подтвердили, кто ты.

– (*Николай*): да про того мудозвона зачем?.. он сам на свою отвёртку напоролся... чистая случайность.

– (*Геннадий*): но ты ж не смутился, что он сильнее и у него отвёртка... и семье три раза «нет» сказал... то, что ты сидишь сейчас передо мной живой, – это чистая случайность... тебя уже давно в лесу должны были найти, изъеденного червями... а ты знал про такой вариант, когда швырялся своими «нет».

– (*Николай, угрюмо*): ну не знал, а... предполагал... могли, конечно... но там свои ребята... мы с ними на одном дворе...

– (*Геннадий*): у мафии только те, кто в команде, – свои... остальные – не просто чужие, а шваль под ногами... этому их в первый день учат... и не верь кинам... быть с ними одиноким героем – всегда себе дороже.

####

ПОЛИГОН ОТРЯДОВ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ – ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Макет четырёхэтажного дома... Николай с микронаушником в ухе и лазерным пистолетом крадётся по лестнице вверх... доходит до площадки третьего этажа и тихо ложится на пол... перед ним чуть приоткрытая дверь... в щель виден длинный полупустой коридор... потрёпанный комод стоит у стены... по обе стороны закрытые комнаты... никого.

Он вкатывается по полу в коридор и моментально откатывается обратно за дверь... никакой реакции... начинает рукавом по полу шуршать... якобы он ползёт... снова никакой реакции... там должен быть противник... они слышат и ждут его... встаёт на четвереньки и бросается, низко пригнувшись, прямым вдоль коридора... падает, прячась за комодом, и переворачивается на спину... выбрасывает руки с пистолетом через голову вперёд... из двух дверей выбегают манекены с лазерными пистолетами... спереди и сзади него... он быстро стреляет... два верных хита... лёжа на спине, тут же бросает взгляд в конец коридора... там тихонько приоткрывается дверь... выползает голова манекена... надо ждать... ждать... пока не появится его рука с пистолетом... тут вдруг сзади раздаётся звук распахнутой две-

ри... он направляет туда пистолет, но вышедшая женщина безоружна... стремглав разворачивается к манекену в дальнем конце коридора... тот быстро выбрасывает вперёд из-за двери руку с пистолетом... Николай стреляет первым... манекен замирает... верный хит... голос Геннадия в наушнике. *последнего кончил... давай сюда.*

Кряхтит... встаёт... разминает плечи... чувствует, что заимел на предплечье синяк, когда грохнулся с размаху на пол... вприпрыжку спускается по лестнице вниз.

– (*Геннадий*): опять девятнадцать из двадцати... а сам с утра получил всего три царапины... и сочат они по капле в час... не, пацан, тебя страшно из лагеря на волю выпускать... там же полно живых людей.

– (*Николай*): сегодня ни одной двадцатки... ты шаблон усложнил и пороги им перепрограммировал.

– (*Геннадий*): а чтоб ты гоголем не ходил... вчера три двадцатки выбил... так даже «Альфа» не стреляет... скоро мне придётся у тебя уроки брать.

– (*Николай*): а то я смотрю, мои «враги» с утра вдруг слишком ушлыми стали!

– (*Геннадий*): ты тоже свои фейки прямо на ходу поменял... и при всём моём старании не упал ниже девятнадцати... но на сегодня абзац... после обеда другая команда на макет придёт.

– (*Николай*): а мы на стрельбище маханём... по низколетящим, а?

– (Геннадий): ну уж нет!.. если на цинки пересчитать... знаешь сколько ты за пять месяцев извёл?.. одних гильз набралось бы на пару бочек... каптенармус меня бы убил за такое... слава Богу, что мы пользовали лазерные «пули».

– (Николай): ещё снайперскую дуэль обещал... говорил, под огнём я мажу.

– (Геннадий): под огнём все мажут... завтра отстреляешься... в потёмках... я ещё одну Варфоломеевскую ночь приготовил... специально для отпетых...

– (Николай): не получится... той ночью я должен крепко спать... послезавтра утром машина за мной придёт... решили, что я на всё готов.

– (Геннадий): а мне почему не сообщили?!.. вечно у нас такие тики-таки.

– (Николай): мне тоже только сегодня утром объявили... эх, Гена... хорошее на белом свете всегда быстро кончается... а если какая лажа, то длится годами... вот ты где пахал до школы?

– (Геннадий): в ИГИЛе³ лямку тянул... откуда выход был только в ящик.

– (Николай): но ты всё же вышел... удрал, что ли?

– (Геннадий): выгнали за пьянку... нелюди...

– (Николай): небось, сам себе эту пьянку замастырил?

– (Геннадий): не шей дело, начальник... вот завтра заберут, где, ты думаешь, окажешься?

³ Исламское государство Ирака и Леванта (запрещено в РФ).

– (Николай): тоже, наверно, в ИГИЛе⁴... на твоём месте.

– (Геннадий): годков десять придётся отпахать в какой-нибудь верзухе... а потом я тебя здесь буду ждать... на должность инструктора.

– (Николай): не вернусь я... нехорошее предчувствие у меня насчёт этой профессии.

– (Геннадий): ну хватит о смурном, есть дела поважнее... по непроверенным данным, на обед сегодня баранья нога... а если парашютисты закончат практику раньше... скажем, им приплывёт удача в купола... все сядут на контрольную полянку и никто не улетит в дальний лес... или у самолёта бензин кончится, что бывало... то нам останутся одни объедки.

####

⁴ Исламское государство Ирака и Леванта (запрещено в РФ).

ТУРЦИЯ – СТАМБУЛ – СЛЕЖКА

Собор Святой Софии (Айя-София) ... Старый дворец султанов... порт... изогнутая береговая линия... бесконечное море к югу и северу... сжатое в узкую полосу причалами и домами на обоих берегах Босфора... и постоянная дымка, которая размывает очертания и делает этот город мистическим и загадочным... как на картинах Тернера... Стамбул блестит в дымке, как старинное серебро... как необработанный алмаз... как память о Трое.

Многое здесь привидится, если есть время любоваться красотами... а когда ты бежишь от слежки – Стамбул совсем другой... лестницы с грубыми каменными ступеньками... то вниз, то вверх... опять вниз... однако большей частью почему-то вверх... мостовая из брусчатки с арбузными корками... кожурой апельсинов... чтобы ты, лопух, поскользнулся... с мусорными бачками... откуда прёт запах гнилых фруктов и сочащихся где-то нечистот... дощатые ларьки у каменных заборов... крохотные магазинчики типа «щель в стене»... со всем тем дешёвым барахлом, которое можно купить где угодно... в каменных стенах торчат чешмеги⁵ с водяными раковинами... нет времени попить... за тобой следят... идут по пятам... эркеры с арабес-

⁵ Маленький общественный фонтанчик питьевой воды, расположенный на стене.

ками и кружевными завитушками... если глянуть в их окна, то можно увидеть слезку сзади... невысокие колонны и каменные перила у входов... две тётки-ханум на скамейке любопытно смотрят на тебя... *пусть смотрят...* пыль и жара... но пыль преобладает... нет конца твоему бегу, и хочется сдохнуть.

Николай, весь в собственном соку, спешит вверх по ступенькам... *уж который раз...* резко сворачивает в узкую боковую улицу и застывает, прижавшись к стене... пот заливаёт глаза, а надо всё моментально сечь... до смерти устал и надоело... второпях озирается в обе стороны... мама с авоськой и двумя киндерами тащится прочь... парень оживлённо беседует с девушкой в машине... и так повернётся и эдак... она смеётся и ждёт... Николай тяжело дышит и осторожно выглядывает из-за угла туда, откуда пришёл – на улицу со ступеньками... неожиданно у дальнего конца этой улицы показывается парень в кепке и сразу отступает обратно за угол.

Николай тоже прячется... выползает глянуть одним глазом... и видит, как парень в кепке выходит из-за угла и быстро бежит вверх, перескакивая через ступеньки и держась совсем близко к стене.

Николай бросается прочь... несётся по своей боковой улице... прыгает по каменным плитам... добегает до конца... осторожно зыркает из-за угла на поперечную улицу.

Видит, как солидный дядя, сразу нагибается и начинает

завязывать шнуры, скрываясь за запаркованной машиной... мог и раньше завязать, сундук... чё ты вдруг кинуло?.. спиной чует движение сзади и резко оборачивается... кто-то чуть выглянул из-за угла и тут же скрылся... зажали, суки... суматошно озирается... видит кафе!.. бросается внутрь... петляет между столиками... на ходу спрашивает продавца за прилавком, где служебный выход... продавец возмущённо возражает... Николай видит узкую дверь за его спиной... перепрыгивает через прилавок... распахивает дверь... мчится наугад через подсобные помещения... кладовку... продавец с гневным криком кидается вслед за наглым беспредельщиком и отморозком... Николай выбегает наружу... продавец останавливается в дверях и орёт вдогон нехорошими турецкими словами.

Длинный узкий дворик, заваленный мусором... Николай бежит и бежит... а дворик всё не кончается... наконец видит просвет сбоку и выбегает на соседнюю улицу... озирается.

Вдали тот же солидный дядя, «со шнурами», покупает на углу пирожок у лоточницы... Николай прижимается к стене.

Три цыганёнка идут по улице на противоположной стороне... они продают мобильники и спортивные часы... Николай машет им... те радостно улыбаются, перебегают улицу, окружают... он приседает, показывая на солидного дядю, и шепчет заговорщицким тоном:

– (Николай): вон тот богач только что дал десять евро ка-

ким-то пацанам.

Счастливые цыганята опрометью бегут вниз по улице... атакуют солидного, танцуют, строят рожи... тот покупает им пирожки с лотка, но поверх их голов продолжает следить за улицей... в это время мимо проезжает большой фургон.

Николай видит узкий проход на другой стороне... прячась за фургоном и запаркованными машинами, перебегает улицу... быстренько чешет вдоль, прилипая к стене... на лету сканирует занятого детишками солидного... и скрывается в узком проходе между домами... мчится по нему дальше... меж картонных коробок и куч мусора... видит впереди выход на большую улицу... тормозит, оборачивается – сзади никого... забирается под коробки... шебаршит там, устраиваясь... затихает.

Солидный дядя осматривает улицу... спешит туда, где совсем недавно стоял Николай... останавливается... ищет... сворачивает в тот самый узкий проход... медленно идёт... осматривается... пинает ногой кучу коробок... они разлетаются встревоженными курами... идёт дальше... но не замечает, как сзади быстро дёрнулась внутрь стопа, предательски приоткрытая развалившимися коробками.

####

ТУРЦИЯ – СТАМБУЛ – БАЗАР

Широкая длинная улица с булыжной мостовой, идущая вниз к причалам... невысокие особнячки... разноцветная мозаика на стенах и потёртые двери затейливой резьбы... запаркованные машины... кое-где деревянные лотки у стен... и Босфор вдали внизу... такой синий и просторный... но сейчас не до него... где-то здесь... где-то здесь должен быть базар (на уроке географии в разведшколе вдобавили).

– (Николай, себе): *учила предупреждал... не рынок и не «базар», а «пазар»... или на худой конец «баз-аар», если хочешь соскочить под англа, который ещё и сакс... а тут не просто «пазар»... а «пазар» с каким-то весёлым именем... помню – Чаршамба!⁶ ...вишь ты, выходит, не все твои мозги уплыли на закат... Чаршамба!.. магическое восточное слово... заговор, наговор и приговор... под него хочется танцевать... и не просто танцевать, а враскоряку, размахивая двумя саблями... Чаршамба!.. Чаршамба!*

Ниже лавки начались... с натянутыми над ними парусиновыми тентами... улица плавно переходит в базар... Николай спускается и засматривается на панораму гавани... скрытно оглядывается – хвоста нет, он ушёл.

⁶ Çarşamba (тур.).

Некое подобие входа на базар отмечено поперечными рядами прилавков с лотками... усердной толкотнёй... и непередаваемым смешением восточных говоров, образующим что-то вроде птичьего клёкота.

Шофёр, открыв дверцу, сидит на кресле водителя ногами наружу... читает газету... уличные продавцы-разносчики... их громкие настырные призывные крики, пронизывающие общий гомон... наркоман спит в тени за кустами у забора... два старика на скамейке играют в нарды... опять же с гриля продают жареное мясо... *эти упоительные запахи!.. подкожные, нутряные... особенно если с утра не жрал...* дальше по улице сплошные прилавки... и плотная голосащая толпа... накал живости... напряг усилий... театр чувств, страстей, темпераментов... решительности, настойчивости, деловой хватки, смётки, чутья... узел Шакти... смысл жизни... *меня б тут легко надели, кинули, бросили и сделали бедным... Господи, ну почему я абсолютный лапот в любом народном бизнесе!.. они все как-то могут... причём с детства.*

Николай останавливается у входа... и вдруг слышит русскую речь...

– (Пётр, в мобильник): ребята, отбой... он сам ко мне прибежал... нет-нет... разбор потом... идите в отель... утром – отлёт.

Николай резко оборачивается... Пётр сидит недалеко от входа в тенёчке под деревом у забора... на пакете спрес-

сованных картонных коробок... рядом лежит газета, которую, видимо, читал... валяется пара пустых бутылок из-под воды... Пётр выключает мобильник и с усмешкой поворачивается к нему:

– больно долго возился... всё!.. пошли жрать.

Он встаёт, хлопает Николая по плечу... тот недовольно качает головой и разводит руками:

– не, ну скажи, откуда ты мог знать, что я сюда приду?!

Пётр кивает на густую толпу народа на рынке... иронически улыбается:

– после долгой беготни ты, конечно, пойдёшь под горку... и к ближайшему базару... поскоку здесь толпа... а в ней лучше всего уйти от слежки... ведь так? – Пётр насмешливо и испытующе смотрит на него и переходит уже на серьёзный тон: – а вот и нет!.. никогда не иди в самые лучшие места и не выбирай самые разумные ходы... будь неожиданным и негаданным... не иди под горку – ползи вверх из последних сил... поскольку внизу тебя будут ждать неправильные люди.

Николай отворачивает голову в сторону, якобы глядя на гавань... на его лице разочарование... на простой мультке лоханулся.

– (*Пётр*): с другой стороны – хвосты ты отрубил, а они ушлые ребята... в целом – тройка с плюсом.

Уходят от базара... сворачивают на другую улицу... идут вниз к Босфору мимо старых каменных домов с застеклён-

ными лоджиями, галереями, верандами... верёвки с бельём тянутся поперёк улицы от балкона до балкона на высоких этажах, чтоб шпана палкой не достала... а там за бельём... над бельём... в просветы между бельём видна гавань... и море, расплывшееся во все горизонты... синим миражом обнимающее всю Землю... в нём столько свободы... не только когда ты ходишь по нему, а просто когда видишь – оно шепчет про побег, про вольные просторы... наполняет душу безбрежным размахом... качкой... яростным свистом ветра... бурей!.. а ты ковыляешь себе зажатый домами в оврагах узких улиц... уже запродан... подписан и должен по уши крутым браткам... и все твои шаги предписаны наперёд... а тут вдруг – море!.. выход из тупой земной игры в другое измерение... если уж удирать, то только туда... на земле найдут... а в море – никогда... злая волна может найти, когда будешь спать в лодке... но это уж от Бога... с Ним не поспоришь... Ему видней когда и как тебя кончить.

Уютное кафе под балконом... стенки вокруг расписаны граффити... потускневшими от ярко выраженных тщетных попыток их выскрести... бедные хозяева, консерваторы чистых стен, стирали и соскрёбывали эту мазню много раз, а неуёмные творцы-граффоманы записывали по новой... и ещё раз по новой... и в двадцать восьмой раз по новой... *интересно, на чьей стороне был бы Белинский?.. всё же фамилия обязывает.*

У витрины кафе стоит диван и рядом с ним – кальян...

пожилой хозяин любезно приглашает присесть и покурить...
Пётр отрицательно машет головой... они заходят в кафе.

####

ТУРЦИЯ – СТАМБУЛ – КАФЕ

Николай и Пётр сидят у окна с видом на гавань... на маленькой сцене поёт певица в восточном наряде... она умело крутит голым животом и томно поднимает и опускает густо накрашенные глаза... туманящий взор, убегаящий прочь... словно сама в себе и не видит никого... ею владеет смутное страстное желание, с которым она не в состоянии бороться... отдаётся и покоряется ему... этот потусторонний взгляд, как у наркоманов на поздней стадии улёта... однако её ведёт что-то более сильное, чем наркота.

– *(Николай, себе): словно змея в животе крутится... а она прислушивается и следует... невольница змеи... вот всунешь в неё, а змеюка возьмёт и откусит твой член изнутри... да и в любом случае... стрёмно с такой бабой в постель идти... не ты её будешь трахать, а она тебя... не сумею я... с девчонками по-прежнему остался пацаном.*

Официант принёс специи и лаваш... Пётр листает меню... а Николаю не надо... наизусть знает... в Баку те же блюда... долма... табуле... буглама... соскучился по ним.

– *(Пётр): по нейтралке бегаешь резво.*

– *(Николай): да уж – нейтралка!.. того и гляди сзади в шею чего-нибудь психиатрическое вколют... заматают в халатик с длинными рукавами... а потом ты будешь меня, мяукающего дурачка, через посольство спасать.*

– (Пётр): буду... правда, не через посольство... а ты знай, что здесь – лафа.

– (Николай): если америкосы в местные кичманы халифов возят... то значит здесь – сплошной беспредел!

– (Пётр): для тех особые тюрьмы... но это – посторонняя философия... к нам отмашка пришла – через три дня едешь за реку... один.

Удивление на лице Николая... он встревожен и озабочен... опускает голову, чтобы скрыть смятение и собраться с мыслями:

– не готов я к вашей шпионской химии... да, может, и никогда не буду готов.

– (Пётр): доставишь конверт и вернёшься... и не говори мне, что ты не готов даже для такой ерунды... инструкторы много хвалебного про тебя написали.

– (Николай): да уж... могу целый день повисеть на колючей проволоке, зацепившись глазом... если у человека нет слуха, то его можно сто лет учить пению... и всё кошке под хвост.

– (Пётр): мы все учимся всю жизнь... эта ознакомительная поездка – тоже часть учёбы... ты должен узнать обстановку на практике... и начинать надо с простого.

– (Николай): я не готов... моментально вляпаюсь во что-нибудь... и устрою вам ацтой... неужели нет замены?

– (Пётр): задействованы и другие... но могут быть варианты твоего профиля... выполняй все приказы своего кон-

такта.

– (*Николай*): какие варианты?!.. какой профиль?.. я ни хера не умею!.. что в конверте?

– (*Пётр*): для прочих он бесполезен... а для адресата – это пароль... иди прямо к нему... не глазами по сторонам, не привлекая внимание, избегай свидетелей... веди себя словно ты при делах.

– (*Николай*): а если они будут глазеть на меня?!.. мочить их прикажешь?!

– (*Пётр*): зачем же лишний шум?.. будь как листик на дереве... неотличим.

– (*Николай*): то будь неожиданным и негаданным, то неотличим... я в упор не бачу такие навороты... слишком тупой для ваших дел.

– (*Пётр*): что ж тут непонятного?.. то неожиданным и негаданным, а то – неотличимым... всегда не таким, как вчера... как минуточку назад.

– (*Николай*): и где же этот неотличимый листик должен трепыхаться на ветрах судьбы через несколько дней?

– (*Пётр*): Сирия... Идлиб.

####

СИРИЯ – ИДЛИБ – НИКОЛАЙ ИДЁТ ЧЕРЕЗ ГОРОД

Палаточный лагерь беженцев... давно высохшее бельё на верёвках... дети пускают воздушных змеев над палатками... пацаны пинают мяч... девушки в головных платках и хиджабах... парни в куртках и штанах камо с повязками на головах... редко кто с оружием... у забора лавки с овощами, фруктами, продовольствием... неподалёку на ящиках сидят старики в спокойствии чинном... молчат и взирают... они весь день вот так взирают... всё уже ранее сделано... остались последние годы жизни... бабы готовят еду на низких печурках, сложенных из нескольких кирпичей... ездки на мотоциклах и мопедах... незаметно среди палаток стоит джип с зенитным пулемётом... а вокруг кипит повседневная бляха-жизнь... будто и нет войны и убийств... независимо протекает, ибо всё вписано и встроено одно в другое.

Много народа шляется вокруг лагеря... возле лагеря... через лагерь... ходит, стоит, оглядывается, смеётся, сидит, молчит... нет грустных лиц, есть задумчивые... вокруг машины ездят... все помятые и покорёженные жизнью... рядом – полуразрушенные дома... обломки балок, бетонных перекрытий отодвинуты к стенам, чтоб сделать проход... а дальше уже видны и целые многоэтажные дома, где жи-

вут... незаметно начинается город, но до центра отсюда пё- хать и пёхать.

Если долго идти от лагеря по широкой улице, а потом ещё дальше... то можно выйти на площадь, которая раньше на- зывалась центром... а сейчас, наверно, лагерь беженцев – это центр... или базар... а в бывшем центре разрушенные до- ма вокруг площади... бетонные обломки посреди дорог... не проехать... когда-то здесь народ собирался по вечерам, лясы точил, планы строил... а сейчас – никого... разбитые и разграбленные магазины и кафешки... в сквере посреди- не – квадратная ротонда с четырьмя исцарапанными колон- нами и тремя здоровыми дырками от бывших часов... од- ни часы пока не выпали... болтаются на петлях и скрипят на ветру, но не ходят... остальные исчезли... не, ну кто мог их уволочь?.. они ж тяжеленные, мля... небось, испарились в иное пространство... потому что кончилось прежнее вре- мя, которое они отмечали... была эпоха завитушек и пряни- ков, а сейчас эпоха разрухи и трупов.

Николай идёт по пустой площади... проходит мимо ро- тонды... за углом сворачивает на Ювелирную улицу.

Тут всё же имеется кое-какой народ... множество малень- ких лавочек и магазинчиков... теснятся, прямо налезают друг на друга... многие едва ли больше метра в ширину – дверь и узкое окно, но подчас в два этажа... в окнах фото- графии ювелирных изделий... вывески на разных уровнях внахлёст... каждая старается закрыть соседние... передвиж-

ной лоток с фруктами... из машины ящики выгружают...
кусковые алмазы?.. пацан на велике едет... бородатый дядь-
ка с бутылкой воды сидит у стены... Николай ищет свой ма-
газинчик... читает вывески... ходит туда-сюда... всё нет да
нет... заходит в случайную лавку спросить.

####

ИДЛИБ – ЮВЕЛИРНАЯ УЛИЦА

Небольшая тесная лавочка... картинки с ювелирными изделиями по всем стенам... у кассы под стеклом прилавка лежат настоящие ожерелья, серьги, браслеты и прочее... прилавок из небьющегося стекла... с большими специальными замками... грабили уж тут... или рядом... а теперь всё готово, чтобы отразить следующий налёт... ну, может, не совсем всё... мы ведь всегда не совсем готовы к завтрашнему дню... к своей жизни... к тем, кто с динамитом придёт... да и ко многому другому.

Хозяин лавки, невысокий, сухонький, улыбчивый, усиленно кланяется и струит халву во взгляде... Николай тоже приветливо улыбается в ответ... спрашивают друг друга о здоровье и благополучии семьи, как принято у цивилизованных восточных людей... о бизнесе, детях... да между прочим, не знает ли хозяин, где такой-то магазинчик?

Хозяин расцветает от удовольствия... конечно же, знает... с полной приятностью отвечает, счастливо размахивая руками и прижимая ладони к груди... с выражением абсолютной искренности и порядочности... указывает пальцем наружу... ведёт рукой по воздуху, изображая путь, который надо проделать... загибает ладонь, имея в виду поворот в переулок, где за углом находится требуемый адрес... источает похвалы владельцу искомого магазина... который ну прямо

его лучший друг... Николай отвечает всевозможными благодарностями в ответ... делает комплименты кулонам и брошкам на прилавке под стеклом... говорит, что купил бы вот это и это своей жене, но сегодня спешит... кланяется и уходит.

Когда дверь за незнакомцем закрывается... хозяин лавки моментально меняется в лице – теперь он сама озабоченность... следит в окно и ждёт, пока посетитель не отойдёт от лавки и не перейдёт улицу... потом быстро вытаскивает мобильник и звонит.

Николай идёт по Ювелирной улице... находит короткий переулок, указанный в адресе... заворачивает в него... ищет вывеску... увы, магазинчика нет ни в переулке, ни где-либо рядом... лавочник указал именно сюда, но, может, они не поняли друг друга... спрашивает у парней на углу... те лениво пожимают плечами... он озирается, снова читает вывески... медленно идёт дальше и дальше, отдаляясь от площади и прежней лавки.

Обращается к уличному лоточнику... тот долго скребёт голову... видимо, стараясь таким образом оживить память... разводит руками... неуверенно водит пальцем туда-сюда... наконец тычет в обратном направлении... разочарованный Николай возвращается... читает многочисленные вывески по дороге... Пётр дал мобилу и предупредил – текстовать только в крайнем случае.

– (Николай, себе): я ищу пятнадцать минут... это край-

ний случай или нет?.. наверно, крайний... вывески нет... никто не знает... может, зайти ещё раз в ту прежнюю лавку?.. дать деньгу в лапу и попросить лично отвести?.. всё «может» да «может»... а чё делать-то?

Он достаёт мобильник, начинает текстовать... просит совета... ждёт... ходит туда-сюда... что-то долго молчит Пётр... *видимо, занят...* Николай возвращается в ту прежнюю лавку, куда он заходил раньше... навстречу ему по улице медленно едет полувоенный фургон.

За стеклянной дверью той лавки стоит хозяин... смотрит сквозь стекло на идущего обратно незнакомца и что-то говорит в мобильник.

Фургон останавливается возле Николая... оттуда выскакивают два душмана в чёрном... без лишних слов запихивают его внутрь... он возражает и сопротивляется, но те сильнее... дверца закрывается, фургон уезжает.

На улице лишь двое-трое заметили... уличный лоточник нервно озирается и спешно увозит свою тележку с лотками и зонтиком в переулок рядом с Ювелирной улицей... прочь от шайтанов!.. прочь!

####

ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – КАМЕРА НИКОЛАЯ

Нежнейший закат на всё небо, напоминающий нам о красоте, мире и любви... крики муэдзинов, призывающих правоверных на молитву... ржавые крыши и выщербленные стены, раскрашенные закатом в амурные розовые тона... владельцы закрывают лавки и магазинчики... неторопливо идут тётки с авоськами... тащат домой еду... кормить ненасытную прорву... парень с девушкой едут на мопеде... у них планы... видимо, приятные.

В камере окошко под самым потолком... на уровне башмаков и колёс... но если отойти к противоположной стене... за крышами виден если не сам закат, то хотя бы дальний свет заката... чудный свет... слегка похеренный, впрочем, пятном на переднем плане... медленно проступающим и увеличивающимся... нарушающим гармонию заката... оно только кажется размытым, если прищуриться, то оказывается – это просто кусочек грязи на стекле... однако не нужно обращать внимания на такие мелочи... потому что если начать присматриваться ко всему всерьёз, то постепенно появится и решётка на оконце... совсем небольшом оконце – такое, что не пролезть... а под ним в блёклой темноте проступят исцарапанные стены камеры... немые свидетели воплей отча-

няня... уходящие в глухую темноту пола словно в глубокую шахту... в бездны непроглядной тьмы, наполненные безнадежной чернухой, куда и зыркнуть-то страшно... нежнейший ангельский закат и леденящая вековечная тьма... они были созданы вместе... вечно где-то рядом... плавно дополняют и не дадут забыть о себе.

Но это если смотреть... а если человек избит в хлам и не может смотреть?... или просто не на что больше смотреть, ибо вечер уходит в ночь... и земная видь исчезает в темнотах за окном и вокруг... если открыть глаза, то всё равно света особо не прибавится... но лишь сперва... нет в нашем мире полной тьмы... всегда найдётся что-то чуть светлее и себя обозначит... вот привыкнешь к потёмкам – и уже видна стена под оконцем... угол соломенного тюфяка... металлическая ножка кровати... чья-то бесхозная нога на полу... может, человек?... не видно во мраках... думаешь: *если уж нога – наверно, и человек?..* однако, совсем не обязательно... вполне могли ногу отрезать и отдельно на пол положить!.. очень даже могли... но не на этот раз... сегодня нога к чему-то приделана... постепенно проявляется человеческое тулово и голова Николая, лежащего щекой на полу рядом с кроватью... у него измученное лицо и блуждающие подслеповатые глаза... *почему они блуждают?..* или по-другому – *об чём они блуждают?..* ибо их движение отражает внутренние домыслы, вымыслы и фантазмагии... такое уж место – камера... здесь рождается множество миражей... из-

за которых узники скребут стены и рвут ногти.

Если лежишь на полу... и понятия не имеешь, сколько ещё лежать... если пошевелиться не можешь... поскольку тебя изметелили в хлам... ты уже рассказал, что знал... но кто ж поверит?.. всё равно будут метелить... тут самое время стать шептуном, хиромантом и чародеем... пускать фантомы, двигать глюки... рисовать картинки на небе... ибо реальность не выдерживает никакой критики... на хер она нужна такая?.. пусть тащится себе параллельно и посторонне... а взамен потаённо появятся разные джинны, кикиморы и дивы... на Востоке начинаешь стихийно верить в чудеса... без предварительных вопросов, а как-то сразу и вдруг... чутьё подсказывает, что это чудное и чудесное место... за пределами камеры, разумеется...

Николай тупо разглядывает тараканов, бегающих по полу прямо перед носом... энергично и деловито тусуются... казалось бы, зачем?

– *(Николай, себе): занимаются хернёй... как и все на свете... абсолютно все... полно других мест, но этих быстроногих почему-то тянет именно к моему битому рылу... может, они меня нюхают и соображают – не еда ли?.. я тоже иногда думаю: не придётся ли их жрать?.. кто знает?.. любое живьё – еда... а уж кто кого и когда – зависит от обстоятельств.*

Вдруг пугаются тараканы и бросаются прочь... в коридоре слышны приближаются глухие шаги... *опять притаились,*

суки вонючие... думал, забудут до утра... так нет.

Два охранника открывают дверь... входят в камеру... скучно и нелюбезно кантуют арестанта к выходу... вроде бы хотят поставить на ноги... Николай и сам пытается встать... ему трудно, болит всё... высокий охранник даёт пинка, якобы для ускорения процесса... а на деле замедляет его, поскольку зэк спотыкается и падает... *мог бы не пинать, сука...* с натугой поднимается с колен... качается, опоры ищет... низкий охранник заламывает ему руки назад... обматывает кисти широкой липкой лентой и толкает на выход... в коридор.

####

ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – В КРЕСЛЕ ЗУБНОГО ВРАЧА

Обезьяний крик в ночных джунглях... с нарастающим плавающим воем и резким обрывом... словно той голосистой мартышке пасть вдруг заткнули... или удавкой придушили... мураш по коже идёт, когда вслушиваешься в этот подкожный крик... там спрятано что-то оргиастическое и болезненно сладкое... словно тонкий провод наматывают на головку члена и медленно затягивают до упора... и ты вопишь... маленький ничтожный человечек один в кромешной тьме... один против чего-то чужого, дикого, подавляющего... в сумраке беспредельного зла... со своим уязвимым беззащитным тельцем и оголёнными нервами.

А вокруг – бетонные стены с бурыми пятнами... в углу штепсель... от него по земляному полу тянется провод... привольно гнётся туда-сюда на просторе... и наконец доходит до ног стоящего человека в белом халате... доктор, наверно... а может, и ангел в башмаках... бывают ангелы в башмаках?... не видел, не буду врать... да и место выглядит странно... тут может быть всё что угодно... ангелы... демоны... лучше не задавать лишних вопросов... словом, провод проходит мимо старомодных крепких башмаков, которые не везде найдёшь... а если найдёшь, то запросят нема-

ло... проходит дальше под столом... до военных ботинок... не просто военных, а западных берцев с высокой шнуровкой, раздобытых на чёрном рынке... опять же запросили немало... потом провод поднимается вверх на стол... и, послушно согнувшись, входит в коробку с круговым переключателем... вот так-то... для всякой свободы есть своя коробка, где она заканчивается.

Возле переключателя – левая рука сидящего молодого человека в военной форме (по руке трудно догадаться, кто он такой, но открою секрет – это охранник, и военные ботинки под столом – тоже его) ... в правой руке он держит влажную тряпку и смывает ею что-то типа смазки с запястья... перепачкался бедняга... тряпка недостаточно влажная... охранник плюёт на неё и продолжает тереть грязь... скребёт пятно ногтём... размазывается вдоль, стерва... липнет к волосам... всё же мужик настойчив... и доводит дело до конца... разглядывает запястье, поворачивает по-разному... и кладёт вычищенную руку рядом с круговым переключателем... пальцы постукивают по столу... ждут команды.

Мы продолжаем двигаться за проводом... ибо он здесь главный... и, выйдя из коробки с переключателем, снова делает что хочет... идёт себе по столу дальше... мимо рук Карима (первого следователя) ... лет пятидесяти... с официальным представительным лицом... которое мы пока не видим, поскольку следим только за проводом... Карим пишет, придерживая блокнот рукой... натруженные крестьянские

руки... они не привыкли орудовать тоненькой шариковой ручечкой и рисовать разные маленькие завитушки на бумаге... однако сейчас требуется писать... и хозяин усердно старается приучить пальцы к этому нелёгкому занятию... рука останавливается, нетерпеливо вертит ручку... ожидая путёвой мысли... или формируя из неё толковое предложение... а потом снова начинает писать.

Провод плавно опускается со стола на пол... доходит до кресла... оно напоминает кресло зубного врача... из него торчат дрожащие голые ноги привязанного к нему человека... здесь провод разделяется на несколько маленьких и разноцветных... они идут вверх по ногам человека... пара синих проводков тянутся в бандаж, прикреплённый к пенису... белые – к соскам на груди... а чёрные идут куда-то под жопу, словно в задний проход (потому что они как раз туда введены).

Человек подрагивает мелкой дрожью... он обессилен и истощён... чувства притупились... несколько больших синяков на теле... один просто огромный... слился воедино из нескольких поменьше... словно чувака швырнули об стену... а почему нет?.. вполне могли... нас тут тогда не было... но это ещё не всё... мы отслеживаем другие маленькие проводки, которые подсоединены к ноздрям (ожоги у носа), ушам и надрезам в углах глаз... и наконец, посреди всего... мы видим перечёркнутое проводками судорожно подёргивающееся лицо с бессмысленным взглядом... словно круто

удивился один раз и надолго остался удивлённым.

Кто же там в кресле?.. ба!.. да мы его знаем... это – Николай... лицо вспухло от побоев... один глаз почти заплыл... он так измотан, что может лишь шипеть... слишком долго раньше орал.

Рука охранника поворачивает переключатель... и мы снова слышим крик обезьяны... который не очень-то похож на крик настоящей обезьяны, и совсем не похож на крик человека... однако после всего Николай способен издавать только этот странный звук... тело начинает биться в нарастающих конвульсиях... рука охранника поворачивает переключатель обратно... мол, пока хватит.

Крик переходит в сип... конвульсии постепенно затихают... тело опадает... делает рваные незаконченные движения... по нему проходят остаточные судороги... чуть приоткрывается узкая прорезь между оплывшими веками... и где-то внутри маленькой рыбкой движется звёздочка зрачка... крохотный остаток человеческой души... глаз осматривает окрестности... злые окрестности, от которых не ждёшь ничего хорошего... жизнь... никудышная забитая жизнь медленно возвращается в привязанное тело... а с ней приходят и прежние боли, которые заглушили конвульсии... задвигались сухожилия на шее... кадык с трудом нырнул туда-сюда, дышалку пробуя, словно заглатывая лекарство... Николай тяжело дышит... знает: снова будут мучить, суки позорные... ещё больнее и сильнее... но сейчас остался лишь плавный

шлейф затихающих болей... не надо думать, что дальше... расслабился и рухнул всей душой в этот передых... такой нужный... такой недолгий.

Карим задаёт вопросы по-русски... без каких-либо особых эмоций... с характерным восточным акцентом:

– ну, нёс ты ему конверт... мы видели его – там письмо... о чём оно?

Николай с трудом разжимает губы... искажённый хриплый шёпот... с обезьяньим попискиванием:

– дать ответ... тоб он казал...

– (*Карим*): твой друг у нас сидит... он тебя не знает... и про письмо тоже.

– (*Николай*): я жа... нишего... не зна болши... тока... ку-рер...

Карим сидит у стола, продолжая писать в блокноте... не отрываясь, кивает охраннику.

Тот опять поворачивает переключатель... Николай вздрагивает... начинаются конвульсии... затяжной обезьяний крик... гримаса боли на лице... на шее взбухают тёмно-синие вены... впивается зубами в губы... кровь течёт по подбородку... давится... широко открывает рот... не может больше кричать... скулит чужим шакальим голосом.

Чистая рука (уже без смазки) поворачивает переключатель обратно... конец крикам... только натруженное дыхание... охранник встаёт... рука плывёт по воздуху и наносит Николаю сильный удар под дых... не самый сильный

всё же... зачем на работе усердствовать?.. надо поберечь ко-
стяшки... думаете, легко лупить эту шваль каждый день?

Резкая гримаса на лице... Николай задохнулся... скулёж
прерывается и начинается сип открытым ртом... выпучен-
ные глаза... бешено хватает воздух немым, широко откры-
тым ртом... не получается!.. никак не идёт воздух внутрь...
он с перекошенным лицом валится на бок... чтоб совсем...
совсем уйти от них.

Та же рука, разминая пальцы, степенно возвращается
на прежнее место и вновь поворачивает переключатель в по-
ложение «Он»⁷.

Николая трясёт... опять начинаются конвульсии... изо
рта вылетают захлёбывающиеся звуки... хрип... визг... слю-
на висит на губе... хватанул немного воздуха... дышалку мо-
тает спазмами... ни вдохнуть, ни выдохнуть... клочками еле
заглатывает... тело брыкается во все стороны... делает своё,
непонятное... *конец... любой конец!.. включая окончатель-
ное решение.*

Рука опять вырубает переключатель... опускается на стол
и лежит себе умиротворённо.

– (Карим): ну отдал конверт... а что ты должен был сде-
лать потом?

Воздух!.. блаженный воздух!.. много воздуха!.. Николай
захлёбывается слюной и отплёвывается... нет сил на пле-
вок... слюна продолжает висеть на губе.

⁷ Вкл. (англ.).

– (Николай): обрат... ни зна... чиво... тока... курер...

– (Карим): тут из Турции почта регулярно ездит... за-
чем же лично приезжать?

– (Николай): када казав... шо за речку... и я... тут... лич-
но... шо так нада.

Карим кивает доктору в белом халате... *ангелу?*.. тот до-
стаёт шприц, подходит к Николаю и делает укол.

Оно течёт внутрь мощной рекой... глушит боли... уби-
рает ничтожную земную плоть... наполняет душу чистотой
и покоем... когда уже нет... нет... нет ничего... тут иголоч-
ки пошли... везде!.. сначала аж до дрожи... выворачивает
наизнанку... но нет... они расходятся, разбегаются... тают...
Николай плавно поднимается над своим распластанным те-
лом... всё выше и выше... сквозь потолок... нижние людиш-
ки теряются в тумане... лишь тот, в белом халате, поднимает-
ся с ним... как ангел... или в самом деле ангел?.. они ле-
тят сквозь облака... поют... говорят о цветочных лепестках
прозрачных на свету... о размётанных стогах сена... об их
волшебном шурше, если зарыться с головой... о трясогузках
с длинными клювиками... о тропках с лужами воды... о во-
енных без формы, купающихся в речке... о добрых крестья-
нах, которые поят их молоком... а этот ангел – его друг... но-
вый друг... настоящий... спрашивает о том о сём... а Нико-
лай честно отвечает... всё начистоту!.. про Кострому... про
Стамбул... про Петра... Петеньку моего... они летят выше
и выше... а друг снова про Идлиб спрашивает... настойчиво

так... ответил же ему... не знаю ничего больше... засмотрелся вниз... туда, где разбегаются земные просторы во все горизонты... но неведомые посторонние силы отвлекают и мешают... влекут... уводят в сторону взор... а если бы рассмотрел подробнее, то увидел бы внизу трёх маленьких человечков, которые окружили зубоврачебное кресло... и делают что-то с распластанной в нём голой человеческой фигуркой... сверху это выглядит как детская игра.

####

ИДЛИБ – СПАЛЬНЯ БОССА

Сегодня Босс рано проснулся... совсем рано... в подвале, где у них душевая и кухня... в своей узкой длинной спальне без окон... которая раньше была совсем не спальней... здесь хранились ПЗРК⁸ с новой системой наведения... спецхран со спецохраной... но тут земляной пол, а охранная инструкция запрещала такое... подкоп могут сделать... приказал убрать ракеты отсюда в новый хран с бетонным полом.

Раньше спал на складе... соорудил уютный закуток с раковиной и туалетом... но там вечно шум... народ постоянно шлындал в полночь, за полночь... а ещё Босс подумал, что бомбить в первую очередь будут склад... и организовал себе спальню подальше... здесь, в бывшей кладовке... вода тут была, а туалета не было... ну да ладно... зато тихо.

Вдали на столике пульсировал огонёк аппарата спутниковой связи... в маленьком окошечке в верхнем углу зелёными циферками стояло время... вот сейчас прыгнет на целую минуту, а потом снова сделает вид будто стоит... оно никогда не стоит... отсчитывает нам разные сроки... ниже экран побольше... с расшифрованными новостями... каждый день новости... и всегда плохие, на которые нужно как-то реагировать... *не буду ничего делать... эта война на ты-*

⁸ Переносной зенитно-ракетный комплекс.

саячу лет... всё не переделаешь... долго сидел на кровати... не хотелось вставать... любил утреннюю тишину и неподвижность... когда паришь сквозь глухой мрак и постепенно выходишь к свету... незамутнённая ясность в голове... и внутри тебя тоненьким камертоном бьётся жизнь.

Опять вспомнился сегодняшний сон... плавал в мозгах бессвязными пятнами... не всё помнил... почему так быстро забываются сны?.. когда его пытали в Иране, каждую ночь мучили рваные сны... клочьями вперемежку... ужасно много... потом, когда обменяли, отсыпался по-чёрному... иногда по двенадцать часов... и вообще ничего не снилось... долго... а сейчас появляется иногда всякая галиматья.

Сегодня тоже привиделся долгий занудный сон... про какого-то незнакомого русского... в белой рубашке... а снизу – голого... с рельефным, резко очерченным лицом... с ямкой меж бровей... с глубокими морщинами на лбу... жилистой шеей...

– (Босс, себе): наверно, запомнился со случайной фотки... слишком много лиц прошло перед глазами... большие не хочешь помнить... память затопляет всё живое внутри... всё, что изначально твоё... стал придатком к машине джихада... веришь в правое дело, но нельзя же ради него отринуть всего себя!.. иногда хочется просто закрыть за собой дверь и уйти... совсем в другую жизнь... вредные мысли... наказание за что-то... просил Аллаха избавить от них... раньше ты не верил в Него и скрывал это... втайне насме-

хался над теми кто молится... как ты был неправ!.. в молитве можно сказать то, что не скажешь никому.

И опять этот сон... как он идёт один по ночному пустому городу... высотные здания уходят вдаль... уж очень большой и странный город... такие города никогда не бывают пустыми... даже ночью... а тут все подевались куда-то.

Идёт за одним русским... не следит, а просто вместе идут куда-то, но он сзади... шли и шли... Босс не помнил за чем... так было надо... и тут на улице небольшой дом горел... этажа четыре... меж двух высоких кирпичных стен... блики от огня на них... странно горел... ни с того ни с сего... а уж весь охвачен до крыши... вроде жилой, но жильцы вокруг не бегают... и вообще на улице – никого... русский внутрь пошёл, в самое пламя... рубашка вспыхнула на нём и трепыхнулась, как птица... а ему – до фени, дальше идёт... голый... кожа высветлилась от огня, а ему всё ни по чём... остановился Босс перед порогом... смотрел сквозь пожар в мятущиеся блики... пытался в пламени силуэт разглядеть... плохо видно среди всполохов... очень захотелось пойти за русским... но двинуться не мог... Аллах не пустил... застыл, заморозило его... вдруг очень жаль стало, что расстанутся они с этим парнем... кто он?.. откуда?.. почему ушёл?.. Бог весть... *встретишь, бывает... сойдётся душами... а тут ему валить... и тебе в другую сторону... разные дороги... в детстве сколько верных друзей потерял.*

А потом Босс летел над крышами и всё искал того рус-

ского внизу... а когда уж совсем далеко улетел... сзади полыхнуло в том доме... не взрыв, а словно беззвучная яркая вспышка в небо унеслась... обернулся Босс... лишь увидел, как сгусток света исчезает... и внутри него сияла ослепительная белая полоска... душа?.. Аллах знает...

И тут он проснулся неожиданно и вдруг... сел на кровати, головой тряхнул... слабый ожог от того вспыхнувшего света медленно гас в глазах... шлейфом на нет сошёл... совсем погас... пустой сон, ни о чём... но влез под кожу, свербит и ноет непонятным... помнилось, как стоял на пороге пожара и войти хотел... так сильно тянуло, что еле удержался.

Гадалки сны толкуют... важно и значительно... деньги берут, жульё... сны не о прошлом и не о будущем... они всегда – тайна... иногда на допросах Босс спрашивал задержанных про их сны... с простой целью – чтоб врали... и они послушно врали... многое можно узнать из человеческой лжи... например, страхи... болевые точки... фокусы внимания.

Босс всё же встал... неожиданно для себя... машинально, совсем не собираясь... просто взял и встал... пошёл к аппарату спутниковой связи... заголовки новостей просмотрел... восемь сообщений и два от Горди... от него всегда плохие новости.

– (Босс, себе): не буду читать... просто не буду пока... чистая голова с утра... а то заполнит пустой пришлый хлам... завтра будут другие новости, которые отменяют

эти... а послезавтра третьи... ты что-то делаешь день за днём... мы то выигрываем, то проигрываем... и ты, как тупая лошадь, тащишь тяжёлую телегу дальше по грязи.

Зелёные огоньки аппарата мерцали... диалог для парня... столбик с кодами отправителей... детские игрушки... выключил экран.

– (Босс, себе): хоть немного плыть в смутных остатках сегодняшнего дурацкого сна... пока не началась жизнь... наверно, потому и спят, что невозможно долго выдерживать жизнь... надо время от времени уходить из неё куда-то... а обратно приходит другим... каждое утро немного другим... который, конечно, помнит того, вчерашнего.

####

ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – ЧИЦВАР

Бетонное подвальное помещение без окон... на стенах большие и малые бурые пятна от прошлой крови... многие совсем выцвели... их тёрли и мыли, но недомыли, кровь впиталась в бетон и стала бурой... одна стена обита нержавеющей сталью, в неё вделаны наручники, скобы и крюки... в потолке – лебёдка с перекладиной и двумя крюками, чтоб жисть мёдом не казалась... подъёмные верёвки с коричневыми пятнами... поменяют, когда станут совсем жёсткими... никакого пошлого модернизма... проверенный средневековый вариант.

В пыточной стене ниша с острыми шипами внутри и дверью, обитой войлоком, измазанным опять же чем-то коричневым (возможны варианты) ... тёмные затёртые пятна – тоже скребли небось... в полу рельсы, на них кресло на колёсиках с ремнями... нет только паровозика «чу-чу», а жаль... пленников тоже надо развлекать между пытками... для контраста... у стены напротив – шкафчики и столики со скальпелями, шприцами, инструментами и медицинскими препаратами.

В углу узкий стол... за ним сидят двое напротив друг друга... Николай привязан к стулу широким шпагатом, охваты-

вающим поясницу... непрерывно бормочет, запрокидывает голову и ведёт себя как сумасшедший... не спал дней десять или двенадцать... кто знает?... до пяти ещё недавно умел считать.

Перед ним сидит молодой следователь, Бекбулат, в круглых очках а la Джон Леннон... внимательные умные глаза, чисто выбрит... одет в длинную белую рубашку и маленькую чёрную шапочку... он узбек и говорит по-русски... за его спиной штатив с лампой, видеокамерой и микрофоном.

Голова Николая вдруг падает на стол... безвольно свешиваются руки, раздаётся протяжный хрип, будто спустили шину... он сразу засыпает... Бекбулат перегибается через стол и несколько раз легко ударяет пальцами в середину лба Николая... тот моментально просыпается с мучительным выражением лица... хватается за голову и громко орёт от сильной боли... начинает блевать... но уже выbleвал раньше всё, что мог, остались лишь блевотные спазмы... его трясёт, начинаются судороги.

– (Бекбулат): пока ты спал, джинни прилетела и спрашивает: *для чего ты приехал в Идлиб?*

Пленник роняет голову на стол и катает её по-всякому... хочет схватить Бекбулата зубами за руку... тот уклоняется, встаёт, поднимает Николая под мышки и усаживает вертикально на стуле... тот настырно тарашится... хитренькое глуповатое личико... требовательно спрашивает:

– ак... какой-с сён ден?.. гвари!

– (Бекбулат): Аллах не разрешил дням меняться для тебя.

– (Николай): ну там... поне... ельник... вторт... тник... чиц-вар...

– (Бекбулат): чицвар, чицвар... все твои дни теперь – один сплошной чицвар.

Николай лукаво щурится... из глубин тяжёлого бреда выплывают остаточные и бессвязные мыслительные способности:

– ты тошно знаишь?.. а то говорят сякое...

Бекбулат сдержанно кивает... следит за ним, стараясь понять, когда можно будет снова задавать вопросы.

– (Николай): чё там на тее?.. рыбахин... вот раньши дугой был... а, ты хто?.. не... не... эт-то потом... я – хто?!

Николай тыкает себя в грудь и впивается в Бекбулата сумасшедшим пронзительным взглядом... с необычайной силой концентрируясь на вопросе и требуя ответа, но пытаясь скрыть интерес.

– (Бекбулат): это мы и хотим узнать... а ты упираешься... помнишь какие-либо ещё имена, кроме Камила и Байрама?

Не слышит Николай... у него хаос в голове... вдруг засмотрелся на лампу... сразу взор поплыл, фокус потерялся... закрывается рукой от бьющего света... *а где же тот?.. сидел тут только что?..* лишь смутная тень на месте Бекбулата.

– (Николай, с болью): еси узнашь, хто я, ксажи... (со стра-

хом и мольбой) ...т-ты видь кажишь, а?

У него всё шарахается в глазах... потолок ползёт вниз... раздавит... рушится!.. *пусть!.. пусть не будет меня... пусть проваливает этот!.. который во мне... его не надо... и всех их не надо... ничего здесь не надо!..* грохается головой на стол и сразу засыпает.

Бекбулат перегибается через стол и снова легко постукивает пальцем по лбу Николая... тот судорожно машет руками... просыпается... вскидывает вверх лицо с разинутым ртом... страшная боль пронзает голову, когда будят... ре-вёт... цветные пятна и свет... опять не в фокусе... пытается угадать, это реальность или нет... подозрительно осматривается... *чѐ то я не помню где... и чувак не тот сидит...*

– (Бекбулат): рано в жмурки играть... It's a long, long way to Tipperary⁹... а после конверта, что ты должен был сделать?

И тут Николай видит червей на своей руке... они копошатся в ране, беленькие, толстенькие... его лицо наполняется ужасом... орёт, пытаясь отшвырнуть руку как можно дальше... крайне испуган, бьёт по руке, бьёт рукой об стол... ужасный страх нарастает внутри... пытается утопить его стоном... но нет!.. душит спазмами... пленник ловит воздух, словно вытащенная из воды рыба... дѐргается и болтается... шипит и сопит... удаётся схватить воздух... начинает постепенно очухиваться, выплывать с того света... бесконтрольно выгибаются пальцы... не может остановить... пытается сфо-

⁹ Долог путь до Типперери (англ.) – маршевая песня британской армии.

кусироваться на Бекбулате и понять, кто он... наклоняется через стол и говорит весьма доверительно и серьёзно:

– жгёт... када трогаишь...

– (*Бекбулат*): хорошо, когда жжёт... значит, ты живой.

– (*Николай, изумлённо*): живой?.. хто живой?.. (*с отчаянием*) ...я не заю, хто я!

Бьёт себя по лицу, груди, плечам... руки совсем ослабели и не слушаются... удары приходятся куда попало... бьётся головой о стол... хочет заставить себя снова думать!.. помнить!.. гневно скребёт её... мычит.

Его пронизывает резкая головная боль каждый раз, когда они... д-другие... стучат по лбу и будят... он силится не спать, щипает себя, упорно старается держать голову высоко, не дать ей упасть... чтоб сасем не улететь отсюда на хуй собачий... чтоб не было этого тук-тук и ужасной боли... плавает в странном мире между сном и реальностью... не отличает одно от другого и не уверен ни в чём... его пустые глаза, повёрнутые в вечность, как на портретах Модильяни.

####

ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – ПРИЁМНАЯ

Так называемая «приёмная» – это средних размеров помещение для недолгого держания смертников... оно отделено грубой деревянной перегородкой с большим окном от просторного бетонного подвала, где совершаются казни... окно наполовину закрыто шторкой... за стеклом виден большой подвал с земляным полом.

За столом сидит Карим и роется в бумагах... рядом мобильник... за спиной – стеллаж с коробками и папками... урна в углу... на табуретке большая перевернутая бутылка воды с краником... на полу у противоположной стены полулежат, полусидят три пленника со связанными руками.

Охранники вводят Николая... швыряют на пол к остальным... он привстаёт на колени... осматривается.

Рядом мальчик, лет двенадцати... подозрительно косится на него и нервно озирается.

Второй – полный пожилой курд... залез в угол... упёрся лбом в стену и угрюмо уставился в пол остановившимися глазами.

Третий – тощий лысоватый европеец средних лет... дёргается, привстаёт, пытается привлечь внимание охранников... кричит:

– I gave you the phone number!.. Did you call?.. They will explain to you everything!¹⁰

Охранник подходит и равнодушно бьёт его по башке сверху вниз... как гвоздь забивает, чтоб не вставал... европеец плюхается на зад и пытается закрыть лицо плечом, ожидая дальнейших побоев... оба охранника выходят.

Николай оборачивается глянуть на Карима за столом... тот чувствует... мельком зыркает в ответ и продолжает писать.

В окне перегородки виднеются знамёна Халифата, развешанные на бетонных стенах подвала... там ходит боевик в чёрном, лет тридцати пяти... жестикулирует и разговаривает с кем-то... входит в приёмную, оставляя открытой дверь... разводит руками... громко выражает общее недовольство текущим моментом, ни к кому конкретно не обращаясь... оборачивается в сторону подвальной двери и говорит нечто назидательное в пространство... знаменуя сказанное указательным пальцем... наклоняется к Кариму, тихо и почтительно спрашивает... тот указывает на пожилого курда и европейца.

В приёмную входит второй боевик, тоже в чёрном... с порога начинает громко объяснять первому... перекрикивают друг друга, доходят до гневной перепалки... оба, как всегда, чувствуют себя правыми... второй боевик повышает голос... начинает тыкать пальцем в потолок... имея в виду некие

¹⁰ Я дал вам номер телефона! Вы звонили? Они вам всё объяснят! (англ.).

высшие инстанции (начальство?.. приказы?.. принципы веры?.. или самого Аллаха?) ... первый отворачивается и замолкает... он сердит, но больше не прекословит.

Водит глазами по сторонам... подходит к пожилому курду... тащит за волосы вверх, чтоб поставить на ноги... курд неуклюже переваливается на коленях... ему трудно подняться со связанными сзади руками... однако встаёт... гнётся и разминает плечи... уставился перед собой куда-то мимо всех... первый боевик толкает его к двери... второй хватает курда за шкирку и выводит в подвал... тот с отупелым лицом и приоткрытым ртом послушно плетётся, куда ведут.

Первый боевик, схватив за ухо, поднимает европейца... тот начинает что-то громко объяснять с безумными глазами... пытается броситься к Кариму... боевик хватает европейца за шиворот и бесцеремонно пихает к двери... тот сопротивляется и по-прежнему орёт про телефон Кариму... боевик даёт ему кулаком в живот... тот сгибается от боли, судорожно хватая ртом воздух... не может больше кричать... боевик вытаскивает его в подвал... Карим продолжает писать, не обращая внимания на суету вокруг.

Карим – достойный и уважаемый глава большого семейства... заботится о детях, его обожают внуки... он вообще-то не злой, просто на работе он «надевает» своё дежурное лицо – и всё уже по-другому!.. на работе не место слащавой любезности... здесь надо блюсти моральный долг... быть суровым и беспощадным к врагам ислама... а ещё лучше – их

не замечать... ибо кто ж они, как не жалкие черви?.. совсем иная жизнь начнётся, когда он придёт домой... отшлёпает по попке Азиза за разлитый компот... ущипнёт за плечико Наргиз... она просияет и убежит счастливая... обнимет и поцелует Гильяну на кухне.

А когда все улягутся спать, сядет почитать Коран... и будет думать, почему были люди, которые выступали против Пророка... даже воевали с ним... ведь по любому его слову ясно, что он – Пророк!.. а они не поняли... должно быть, зло их обуяло до беспамятства... а когда ты под властью зла, то уже не видишь, где правда... тёмное кажется светлым... красное – зелёным... словно джин душу взял и унёс на погибель в мрачные самумы безверия... *спаси, Аллах...* зло лишает неверных ума... для них ложь становится правдой, а правда – ложью!.. и уж не видят они мира во всём великолепии... мерещатся им лишь гнусные миражи аль шайтана... *Аллах, защити меня от такой судьбы!*

####

ИДЛИБ – ПОДВАЛ ХАЛИФАТА – КАЗНЬ

Николай видит в окне, как боевики подводят пожилого курда и европейца к стене со знамёнами Халифата... бьют по ногам... те падают на колени... боевики тащат их за шкурки и ставят спиной к стене... недалеко друг от друга.

Второй боевик уходит... выкатывает откуда-то треногу с видеокамерой... устанавливает перед курдом и европейцем... ездит с треногой, выбирая правильное положение кадра.

Первый боевик становится за спиной курда... достаёт из кармана балаклаву... надевает на голову, закрывая лицо... и даёт знак второму боевику.

Второй боевик прилипает к видеоискателю, морщит лицо и поднимает руку, требуя внимания... потом резко её опускает.

Первый начинает торжественную речь... указывает вниз, в сторону пожилого курда... пинает его ногой, изображая негодование... выкрикивает гневные слова, похожие на проклятье и энергично размахивает руками.

Второй морщится и останавливает съёмку... подходит к первому и показывает, что тот слишком много двигается то влево, то вправо... уползает из кадра... первый угрюмо

кивает... бросает какое-то короткое возражение... которое тут же гневно отменяется вторым... он возвращается к камере и вновь поднимает руку... первый принимает позу... второй даёт сигнал «начали!».

Первый снова произносит торжественное вступление... теперь его жесты не столь широки, но по-прежнему исполнены смелости и отваги... речь напевна и выразительна... то обличает и негодует, то прижимает руку к груди и кланяется, знаменуя покорность высшим силам... и вновь негодует праведным гневом... опять сдерживает себя, помня, что он лишь слуга Аллаха.

Пожилой курд смотрит прямо перед собой... пустые глаза... он уже не здесь... остолбенелое, застывшее лицо... чем-то слегка озадаченное... глубоко вздыхает... медленно движется грудь.

Первый боевик произносит несколько значительных фраз... поднимает руку с пальцем, направленным вверх... обозначая исполнение высшей воли... достаёт нож из чехла на поясе... показывает в видеоканеру... ногой пинает курда на землю... наступает коленом ему на спину... хватает за волосы... загибает голову курда назад и, быстро двигая ножом туда-сюда, перерезает ему горло.

Лицо курда медленно превращается в нелепую маску... с мёртвыми мигающими глазами и шлёпающими губами... как у рыб, вытасненных из воды... странная искажённая гримаса боли и страха медленно уплывает... мышцы расслабля-

ются, и лицо стекает вниз... парафином по свечке... застывает в расплывшемся, бесчувственном выражении... в нём проявляется то неземное и отрешённое, что бывает у покойников в гробу.

Николай оторопело уставился... всё расплывается перед ним, словно пришло из ниоткуда... в замедленном движении нож перерезает шею... кровь хлещет фонтаном... странные судорожные движения плеч, живота, рук, ног... при полной неподвижности лица на отрезанной голове... тело падает на землю... нелепой культяпкой... последние конвульсии, колыхание, дрожь... ещё слегка движутся за спиной пальцы на связанных руках... первый боевик отводит голову от тела... и поднимает её за волосы.

Николай ошарашен... он стоит на коленях с полуоткрытым ртом... шумно дышит... присох к своему месту и не способен двинуться... его застывший взор приклеился к окну... не отвернуться... магнитит эта голова с пустыми глазами и упавшее вниз безжизненное тело.

Сцена повторяется вновь и вновь перед умственным взором... тело курда без головы... медленно падает и падает... стелется по земле, словно шина, из которой выпустили воздух... когда все мышцы расслаблены и перестают держать форму... совсем безвольный студень... словно плоть ушла вместе с душой и осталась одна одежда.

Боевик встаёт, небрежно несёт за волосы отрезанную голову... капает из шеи... на земляном полу поблёскивает лу-

жица крови... внизу, под знамёнами Халифата, земля заметно потемнела... очерствела... здесь слишком много всего случилось... она ещё впитывает кровь, но уже неохотно.

Швыряет голову к стене... Николай почему-то усиленно разглядывает его ботинки возле лужицы крови... видит, как они обходят лужицу... и медленно шагают туда, где видны колени европейца... тот испускает пронзительный детский вопль... у него сумасшедшие глаза... начинает дёргаться во все стороны... пробует приподняться.

Вопль бьёт по ушам... Николай не может больше выдерживать, отворачивается и сжимается... словно пытается заглушить, стереть память, в которой застряли давешние видения... *сейчас они опять... сейчас и этого.*

Но в подвале раздаются громкие голоса... опять вроде свара... Николай поворачивается обратно к окну... *может, кончили?.. может, больше не будут?*

Второй боевик выключил камеру... вышел вперёд... размахивает руками... долго и напористо объясняет другому... опять, видимо, замечания... *ясное дело – режиссёр!..* первый боевик вяло огрызается... и показывает рукой второму, мол, хватит... он понял и согласен... *усё будить в ажуре...* второй разочарованно качает головой, постепенно успокаивается и уходит к камере.

Первый подходит вплотную к европейцу, хватает за редкие волосы, поворачивает к себе и говорит что-то.

Европеец ошарашен... его лицо приобретает странное

мышинное выражение... он не владеет собой и делает несколько странных неуклюжих движений плечами.

Первый кивает второму... второй включает камеру и прилипает к видеоискателю.

Опять торжественная речь... на этот раз в руках первого боевика нет ножа... он несколько раз кланяется со сложенными ладонями... вроде молится... рассуждает с невидимой аудиторией как лучший друг... опять кланяется... он сама благовоспитанность и целомудрие.

И только в самом конце своей речи боевик произносит гневные слова, наполненные жгучей правдой и высшей истиной... вынимает нож... пинком валит европейца на землю... встаёт коленом ему на спину, изображая жестами триумф и победу... хватает европейца за подбородок... резко загибает голову назад... и, быстро двигая ножом, перерезает горло... кровь хлестанула было, но напор быстро иссяк... теперь лишь струйки текут из разрезанного горла вниз по одежде... худощавое тело европейца как-то сразу стало заметно меньше... валится вперёд пустым халатом... боевик поднимает отрезанную голову, забрызганную кровью... с нелепо разинутым ртом и большими глазницами... держит в воздухе на показ перед камерой... поворачивает в профиль.

Второй боевик одобрительно машет рукой и выключает камеру.

Первый швыряет голову к стене... второй распрямляется и даёт знак кому-то сзади.

Прислужники, совсем молодые ребята, лет двенадцати, бегут к двум безголовым трупам с верёвками в руках... привычно и сноровисто обматывают ими ноги... живо переговариваются... и утаскивают тела прочь... на земляном полу остаются длинные борозды со следами крови... прислужники прибегают обратно... один несёт два металлических стержня... втыкает их в землю у стены и аккуратно насаживает отрезанные головы... поправляет, чтоб висели ровно... ребята снова уходят и приносят грабли... скребут ими землю на месте казни... и полосы от волочения трупов... работают быстро и сноровисто... переговариваются... показывают... понимающе кивают... резвые добрые парнишки... с такими хорошо играть в футбол.

Задушенный тихий шорох слышится рядом... Николай поворачивает голову и видит, как связанный мальчик привстал на полу на коленях... тянет шею... пытается заглянуть в окно... которое слишком высоко для него... поворачивает к нему лицо, полное ужаса... кривит рот, хочет сказать и захлёбывается... издаёт отдельные звуки и громко дышит.

– (Николай): тебя-то за что?

У мальчика дрожат губы... он заикается, наконец выдавливает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.